Алексей ШИШОВ

КРАСНЫЕ КОМАНДИРЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Алексей Васильевич Шишов
Красные командиры Гражданской войны

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29407559
Красные командиры Гражданской войны: Вече; Москва; 2016
ISBN 978-5-4444-8843-0

Аннотация

Новая книга А. В. Шишова рассказывает о командирах Красной армии периода Гражданской войны в России: В. А. Антонове-Овсеенко, В. К. Блюхере, С. М. Буденном, И. И. Вацетисе, К. Е. Ворошилове, С. С. Вострецове, А. И. Геккере, О. И. Городовикове, П. Е. Дыбенко, А. И. Егорове, С. С. Каменеве, Н. Д. Каширине, А. И. Корке, Г. И. Котовском, Ф. К. Миронове, И. Л. Сорокине, Л. Д. Троцком, М. А. Тухачевском, И. П. Уборевиче, И. Ф. Федько, М. В. Фрунзе, В. И. Чапаеве, В. И. Шорине, уделяется внимание и союзнику красных – Н. И. Махно. Из всех героев книги лишь трое смогли пережить сталинские репрессии и годы Великой Отечественной войны. Большинство из них было погублено той властью, за которую они сражались, на долгие годы их имена канули в безвестность, но историческая правда рано или поздно берет свое,

отдавая заслуженную дань истинным заслугам героев этой книги на поприще Гражданской войны в России.

Содержание

Слово от автора 6
Антонов-Овсеенко Владимир Александрович 12
Блюхер Василий Константинович 47
Конец ознакомительного фрагмента. 85

Алексей Шишов
Красные командиры Гражданской войны

© Шишов А. В., 2016
© ООО «Издательство «Вече», 2016

* * *

Слово от автора

Если Первая мировая война стала голгофой Российской империи, то, по сути дела, вышедшая из нее Гражданская война кроваво покончила со старой Россией, начавшись с государственного переворота в Октябре 1917 года и закончившись в 1922 году на берегах Японского моря в Приморье. Мировая война до предела накалила классовые противоречия, к которым добавились ее бедствия. Говоря иначе, держава династии Романовых не выдержала испытания войной, равно как и три империи, канувшие вместе с ней в историю, – Германская, Австро-Венгерская и Османская.

Гражданская война разделила Россию на два непримиримых до крайностей лагеря – Красного дела и Белого дела. Если побежденные бились за сохранение устоев старой государственности, то побежденные мечтали о мировой революции, в которой Советская Россия должна была стать первым пролетарским бастионом. Те, кто не желал по разным причинам участвовать в той внутренней войне, попали под пресс лозунга «Кто не с нами, тот против нас». И тоже вынужденно взяли в руки оружие, чтобы сражаться с такими же, как они.

Если побежденные старались во многом воссоздать старую Русскую армию с ее вековыми традициями, то победители создали армию нового типа – Красную Рабоче-Крестьян-

скую Армию, сокращенно РККА. Каждая из них имела своих полководцев и военачальников. Если в белых войсках это были в своем подавляющем большинстве бывшие царские генералы и старшие офицеры, то в красных войсках таковыми стали, пройдя горнило Гражданской войны, как правило, бывшие младшие офицеры старой армии и нижние чины ее, прошедшие Мировую войну.

Все герои этой книги относятся к элите вождей Красной армии. Они разны по происхождению: из пролетарских строев города и села, из казаков, многие из дворян. Большинство из них имеют за плечами военные училища, Академию Генерального штаба, школы прапорщиков военного времени. В Гражданскую войну их в рядах Красной армии называли военспецами (военными специалистами). Меньшая часть познавала искусство командовать на войне, но не всегда на фронте. Оба Верховных главнокомандующих Советской Республики, И. И. Вацетис и С. С. Каменев, были бывшими полковниками, успешно закончившими Военную академию Генерального штаба.

Профессиональными революционерами-подпольщиками из них были четверо – В. А. Антонов-Овсеенко, К. Е. Ворошилов, Л. Д. Троцкий и М. В. Фрунзе. К ним можно причислить и Н. И. Махно. Все они в разное время исполняли должность народного комиссара по военным (и морским) делам. Военное образование имел только первый из них, остальных исскуству командовать и воевать учила Гражданская война.

Часть красных военных вождей была «самородками» той войны, которых революционная стихия выбросила на командные высоты в РККА. Это: С. М. Буденный, О. И. Городовиков, П. Е. Дыбенко, Г. И. Котовский и В. И. Чапаев. Остальные, выше не названные, носили на плечах в Мировую войну офицерские погоны.

Гражданская война особого накала достигла в казачьих областях, население которых в ее начале в своем большинстве колыхнулось на сторону Белого дела. Из казачьего сословия военными вождями Красного дела стали донцы О. И. Городовиков и Ф. К. Миронов, оренбуржец Н. Д. Каширин и кубанец И. Л. Сорокин. Судьба трех последних красных казаков трагична.

Все герои книги Гражданскую войну начинали с командования различными отрядами, полками, бригадами. Но среди них были и те, кто сразу или почти сразу взлетел на вершины военной власти Красного дела в самом начале общероссийского «пожара». Это: В. А. Антонов-Овсеенко, И. И. Вацетис, П. Е. Дыбенко, С. С. Каменев, Л. Д. Троцкий, М. Н. Тухачевский и В. И. Шорин. Но их судьба в рядах РККА связана не только со взлетами, но и с падениями. Только один из них, Каменев, ушел из жизни своей смертью.

Половина героев книги, кто блистал в рядах сражающейся Красной армии и оставил свой именной след в истории Гражданской войны, стали жертвами сталинских репрессий 30-х годов. Их имена: В. А. Антонов-Овсеенко, В. К. Блю-

хер, И. И. Вацетис, А. И. Геккер, П. Е. Дыбенко, А. И. Егоров, Н. Д. Каширин, А. И. Корк, М. Н. Тухачевский, И. П. Уборевич, И. Ф. Федько и В. И. Шорин. Примечательно, что трое из них, признанные красные полководцы, стали первыми из пяти человек, удостоенных за боевые заслугие перед социалистическим Отечеством звания Маршала Советского Союза: Блюхер, Егоров и Тухачевский. Вацетис был первым Главнокомандующим Республики. Почти два десятилетя их имена оставались за бортом отечественной истории. Их если и вспоминали, то недобрым словом.

Один человек – С. С. Каменев, бывший второй Главнокомандующий Республики, был причислен к «врагам народа» уже после своей смерти, «счастливо» избежав в 30-х годах расстрела по судебному приговору. Но и он был на время «вымаран» из советской истории, из «безликой» истории Гражданской войны в России.

В годы Гражданской войны были убиты без суда и следствия в советских тюрьмах (в Москве и Ставрополе) такие «самородки» в плеяде красных военачальников, как Ф. К. Миронов и И. Л. Сорокин. Оба они были выходцами из казачества, первый с Дона, второй с Кубани. Ни тот ни другой не ладили в идущей войне с московской властью. Так что их жизненный финал для истории не смотрится чем-то непонятным, нелогичным.

Вскоре после завершения Гражданской войны был убит своим же еще один красный «самородок» – Г. И. Котовский,

тоже человек со сложным, бунтарским характером. О мотивах убийства по сей день единого мнения нет, и уже не будет.

Из всех героев книги только один легендарный начдив В. И. Чапаев погиб в огне Гражданской войны. Погиб от пули, посланной рукой белого казака. Но кто скажет, как бы сложилась судьба этого «самородка» Красного дела, доживи он до сталинских репрессий? Вопрос спорный и потому открытый.

Был убит в Мексике агентом НКВД бывший председатель Реввоенсовета Республики, нарком по военным и морским делам в годы Гражданской войны Л. Д. Троцкий, личный враг Сталина и потому ставший непримиримым идейным врагом Советского Союза. Но то, что он стоял на вершине военной власти Красного дела в ходе той войны, сегодня факт трудно оспоримый.

Своей смертью ушли из жизни до Великой Отечественной войны всего три книжных героя. Это: С. С. Вострецов (который вполне мог последовать за дальневосточными соратниками Блюхером и Уборевичем), М. Ф. Фрунзе, чья смерть после операции дает много вопросов, и беспартийный герой Гражданской войны, трижды заключавший союз с советской властью «батько» Н. И. Махно, безвестным скончавшийся в варшавской больнице.

Лишь трое из персоналий данной книги пережили «расстрельные» 30-е годы и Великую Отечественную войну 1941–1945 годов: С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов и О. И.

Городовиков. Все они вышли из рядов командного состава прославленной 1-й конной армии, все они были лично хорошо известны И. В. Сталину. Буденный и Ворошилов входят в пятерку полководцев Гражданской войны, ставших первыми Маршалами Советского Союза. По числу прижизненных лавров с ними не может сравниться ни один герой Гражданской войны.

Все они разные, эти полководцы и военачальники Красного дела, отдавшие и готовые отдать жизнь за советскую власть, за власть трудового народа. Но она большинству из них уготовила погибель и безвестность на многие годы, о чем спорить не приходится. Но историческая правда рано или поздно берет свое, отдавая заслуженную дань истинным заслугам героев этой книги на поприще Гражданской войны в России. Той войны, которая испепелила не только страну, но и души ее людей.

Алексей Шишов,
военный историк и писатель

Антонов-Овсеенко Владимир Александрович Путь от штурма Зимнего дворца до поста расстрельного прокурора РСФСР

Человеком удивительной судьбы В. А. Антонова-Овсеенко с полным правом на то можно было назвать еще при жизни. Профессиональный революционер, партийный публицист, один из руководителей штурма Зимнего дворца, народный комиссар по военным делам, командующий советских войск на Юге России и Украинского фронта, дипломат и нарком юстиции РСФСР стал жертвой сталинских репрессий 30-х годов.

Родился в 1883 году в древнем городе Чернигове. Его отцом был офицер в чине капитана А. А. Овсеенко, получивший боевые награды за войну с турками. Владимир имел двух братьев и двух сестер. В 18 лет выпустился из Воронежского кадетского корпуса.

В сентябре 1901 года Владимир Овсеенко по настоянию родителей поступает в столичное Николаевское военно-инженерное училище. Но в следующем месяце, в октябре, юнкера, человека неуравновешенного и вспыльчивого, исклю-

чают из училища за отказ принести присягу на верность «царю и Отечеству». Так он отпротестовал против родительского «принуждения» стать, как отец, военным человеком. Был впервые арестован на 11 дней.

В конце года, оказавшись в Варшаве, становится членом студенческого социал-демократического кружка. Весной следующего, 1902 года, перебравшись в Санкт-Петербурге, работает в Александровском порту и кучером Общества покровительства животным.

В том же 1902 году Владимир Овсеенко вновь поступает в военное училище – Владимирское в Санкт-Петербурге, готовившее пехотных офицеров. В конце года вступает в ряды РСДРП и создает в училище подпольный кружок, будучи близок к социалистам-революционерам (эсерам), затем устанавливает связь с большевистской организацией. Занимался распространением запрещенной литературы. Тогда ему не было еще и двадцати лет.

Военное училище окончил по первому разряду, получив по всем предметам высший балл, то есть 12 баллов. Это означало: «Знает все пройденное весьма основательно, отвечает твердо, развивает идеи ясно, располагая ответы в систематическом порядке, разрешает все вопросы, опровергает все возражения, выражается точно, связно и свободно».

Овсеенко выпустился из училища в чине подпоручика с назначением в 40-й пехотный Колыванский полк, стоявший в Варшаве. Еще до прибытия в полк, будучи в отпуске, моло-

дой офицер выполнил партийное задание, получив в Вильно нелегальную литературу и явки Социал-демократии Королевства Польского и Литвы. Он постоянно стремился к активной практической работе нелегала-подпольщика. За провоз груза нелегальной литературы был подвергнут аресту на 10 дней.

В Варшаве Владимир Овсеенко и его молодая жена Анна Михайловна, выпускница Бестужевских курсов, стали активистами местной подпольной организации. Подпоручик участвует в неудачной попытке освобождения приговоренного к смертной казни известного польского социал-демократа С. Каспшака, преуспевает в издании подпольного «Солдатского листка». Во время революционных событий начала 1905 года попадает в список «неблагонадежных» солдат и офицеров варшавского гарнизона.

В марте 1905 года подпоручик Владимир Овсеенко получает назначение в действующую армию, в Маньчжурию. Но на Японскую войну он не попал, бросив военную службу и став подпольщиком, то есть профессиональным революционером, что стало делом всей его жизни. На непродолжительное время эмигрирует в Австрию.

В том же году участвует в неудачной попытке поднять в варшавском пригороде Пулавы восстание солдат двух пехотных полков – 71-го Белевского и 72-го Тульского и артиллерийской бригады. В тех событиях дезертировавший из армии подпоручик выстрелом из револьвера ранил ротного

фельдфебеля и сумел скрыться. У Овсеенко появляется первая подпольная кличка «Штык».

Ему приходится из Польши уехать в Санкт-Петербург. Столичный комитет РСДРП направляет его для подпольной работы в морскую крепость Кронштадт, имея документы на австрийского подданного Стефана Дольницко. Там он организует нелегальные сходки солдат и матросов. Был арестован, заключение отбывал в Кронштадте и освобожден в конце того же 1905 года по амнистии.

В том же 1905 году участвует в попытке организации восстания в гарнизоне Санкт-Петербурга (железнодорожный батальон и саперы). Антонов-Авсеенко на страницах «Красного флота» (1924 год) о том событии рассказывал так:

«…Я, как бывший офицер, должен принять командование. Начало – рано утром.

Прошла ночь. Никто не пришел, как было условлено, за мной. После узнал – солдаты отказались выступить».

До Октября Антонов-Овсеенко работает в различных подпольных (военных) организациях единой РСДРП, примыкая к меньшевикам. О вступлении в партию большевиков заявил в конце мая 1917 года. В марте 1906 года совершил побег из Сущевского арестного дома. В мае следующего года выездной сессией Одесского военно-окружного суда приговорен к смертной казни как Антон Кабанов. Казнь была заменена 20-летней каторгой. Через месяц бежал из севастопольской тюрьмы. В 1909 году провел 6 месяцев в тюрьме

как Антон Гук, после чего эмигрировал во Францию.

Там, в Париже, Владимир Александрович получил партийный псевдоним Антонов, и впоследствии стал писаться Антоновым-Овсеенко. Под этой двойной фамилией он и вошел в историю Гражданской войны в России, равно как и в историю сталинских репрессий 30-х годов.

В мае 1917 года вернулся в Россию. В Гельсингфорсе редактировал газету «Прибой». Был избран в Учредительное собрание от Северного фронта по списку РСДРП(б). Вел партийную работу в Финляндии и среди моряков Балтийского флота. В середине октября стал секретарем Петроградского военно-революционного комитета (ВРК).

Антонов-Овсеенко вошел в историю Октябрьской революции как один из руководителей штурма Зимнего дворца и руководитель ареста Временного правительства. От имени ВРК ведал распределением отрядов балтийских моряков по ключевым точкам города на Неве и возглавлял «полевой штаб» по захвату Зимнего дворца. Подписал ультиматум, адресованный главнокомандующему Петроградским военным округом, который, в реалиях Октября, мало уже кем командовал.

В ночь с 25 на 26 октября (с 7 на 8 ноября по новому стилю) Зимний дворец был взят революционными отрядами приступом. Собственно говоря, защищать Временное правительство было некому, а премьер-социалист А. Ф. Керенский успел вовремя бежать из столицы. Сам В. А. Антонов-Овсе-

енко вспоминал об аресте Временного правительства так:

«…Министры застыли за столом, сливаясь в одно трепетное бледное пятно.

– Именем Военно-революционного комитета объявляю вас арестованными.

– Чего там! Кончить их!.. Бей!

– К порядку! Здесь распоряжается Военно-революционный комитет!»

Американский журналист А. Р. Вильямс оказался свидетелем исторического штурма Зимнего и последовавших за ним событий в красном Петрограде. Об Антонове-Овсеенко он писал так:

«Вспоминаю бледное аскетическое лицо Антонова, густые, светлые волосы под живописной широколобой шляпой, спокойный, сосредоточенный вид, заставляющий забыть его сугубо гражданскую внешность…

Один матрос рассказал мне, что еще наверху, после того, как Чудновский составил список арестованных, Антонов спросил: “Товарищи, у нас есть автомобили?” Кто-то ответил: “Нет”. А другие закричали: “Ничего, пройдутся пешочком! Довольно, поездили!” Антонов попросил тишины, подумал немного и сказал: “Хорошо, мы отведем их в (Петропавловскую) крепость пешком”».

Около 4 часов утра Антонов-Овсеенко приказал развести арестованных «временных» министров по казематам Трубецкого бастиона Петропавловки. Прощаясь с уже назначен-

ным комиссаром крепости, «ликвидатор» Временного правительства сказал:

– Я еду в Смольный с докладом…

В Смольном институте Владимир Александрович с овацией зала выступил перед делегатами 2-го Всероссийского съезда Советов. 27 октября Антонов-Овсеенко был избран в состав Центрального исполнительного комитета Советов (ЦИК) и вошел в первый состав Временного рабоче-крестьянского правительства – Совет народных комиссаров (Совнарком).

В советское правительство, избранное 2-м Всероссийским съездом Советов, входил Комитет по военным и морским делам (переименован в Совет народных комиссаров по военным и морским делам), состоявший из трех народных комиссаров: В. А. Антонова-Овсеенко, прапорщика Н. В. Крыленко и председателя Центробалта П. Е. Дыбенко. В ходе формирования Совнаркома В. И. Ленин так распределил между ними обязанности: «Дыбенко – морское министерство, Крыленко – внешний фронт, Антонов – военное министерство и внутренний фронт». Под «внутренним фронтом» понималась борьба с поднимавшей голову контрреволюцией.

На следующий день, 28 октября, Антонов-Овсеенко назначается помощником командующего войсками Петроградского военного округа. Это был один из многих случаев, когда ему, бывшему подпоручику, пригодились знания, полу-

ченные во Владимирском военном училище.

7 ноября следует назначение командующим обороной Петрограда и войсками Петроградского военного округа. Революцию требовалось защищать: на красный Питер шел 3-й конный корпус генерала П. Н. Краснова и министра-социалиста А. Ф. Керенского. В самой столице могли восстать юнкера военных училищ. Линия «фронта», организацией которого и занялся Антонов-Овсеенко, прошла по Пулковским высотам.

И народный комиссар по военным делам, и командир 3-го конного корпуса оказался одним из главных действующих лиц Октябрьских событий 1917 года. Краснов выполнил приказ главы уже бывшего Временного правительства, бежавшего из столицы в прифронтовой Псков, о выступлении на «мятежный» Петроград. Попытка взять миллионный город со взбунтовавшимся гарнизоном в 300 тысяч человек несколькими тысячами конников выглядела совершенно нереальной. Но в Смольном к такому походу классового врага отнеслись более чем серьезно.

Тем более, что к Петрограду подошло всего около девяти неполных сотен 1-й Донской (9-й и 10-й Донские казачьи полки) и Уссурийской казачьих дивизий с 18 конными орудиями, одним броневиком и одним бронепоездом. С этими силами (их можно назвать даже символическими – всего 700 казаков) генерал-майор Краснов начал наступление на красный Петроград в районе села Пулково. То есть пустился в

откровенную авантюру.

Войска Краснова были разбиты в многочасовом бою 30 октября на Пулковских высотах многотысячными отрядами питерских красногвардейцев и революционных балтийских матросов. Ими командовал левый эсер подполковник М. А. Муравьев. О равенстве сил сторон по числу людей, пушек, пулеметов и прочего говорить не приходится.

Перед этим около 30 тысяч мобилизованных людей, посланных из столицы на рытье окопов, в считанные дни создали оборонительный рубеж «Залив – Нева». Однако он оказался в тех событиях невостребованным. К тому же красновские казаки не горели желанием сражаться за «временных» министров и их главу Керенского и в бою не упорствовали.

Так в отечественной (советской) истории появился термин: контрреволюционный мятеж Керенского – Краснова в октябре 1917 года. О его сути сегодня спорят историки. Прежде всего, дискуссируют о том, являлись ли эти события «мятежом», поскольку приказ 3-му конному корпусу был дан главой российского правительства.

Бой на Пулковских высотах закончился переговорами в Красном Селе с делегацией революционных балтийских моряков. Они завершились согласием на уход казаков по домам с лошадьми и оружием. Обе стороны остались довольны таким исходом вооруженного противостояния под столицей. Корпусной командир был приглашен на переговоры, арестован и доставлен в Петроград, в Смольный. После допроса

его отпустили под честное слово русского офицера не выступать больше против советской власти. Из-под домашнего ареста П. Н. Краснов бежал, воспользовавшись документами от Донского казачьего комитета.

Глава же Временного правительства социалист А. Ф. Керенский, предупрежденный Красновым, тоже удачно бежал от красного Петрограда из Гатчины. Ему пришлось переодеться в кожаный костюм шофера и прикрыть пол-лица мотоциклетными очками. В Белом движении на Юге России он принят не был, и вскоре оказался за океаном, в США, где и закончил свою жизнь. Думается, что Антонова-Овсеенко, который «ликвидировал» правительство «временных», Керенский вспоминал часто.

Сам народный комиссар на Пулковских высотах, которые от «контрреволюционеров-казаков» защищали собранные им революционные отряды балтийских моряков, петроградских красногвардейцев и солдат столичного гарнизона, не был по веской «уважительной» причине. Во время выступления юнкеров в столице он был ими по случайности арестован и провел ночь на захваченной мятежниками телефонной станции столицы. Юнкера разменяли Антонова-Овсеенко на обещание сохранить им жизни, что и было принято советской стороной.

Вернувшись в Смольный, Владимир Александрович ознакомился с делами по подавлению юнкерского мятежа. Внимательнее всего он вчитывался в донесение о том, что упор-

нее и дольше всего держались юнкера Владимирского военного училища, из которого он выпустился в чине подпоручика тринадцать лет тому назад.

23 ноября Антонов-Овсеенко становится членом коллегии Наркомата по военным делам (одновременно с Н. И. Подвойским и Н. В. Крыленко, с которыми был хорошо знаком по Октябрю).

Владимир Александрович оказался тем военным деятелям только-только утвердившейся советской власти, которому были даны бразды правления подавлением появившейся контрреволюцией. 8 декабря он назначается командующим всеми силами красных на Юге России. На него возлагалось общее руководство «операциями против калединских войск и их пособников».

Тогда еще не было Красной армии, а отряды Красной гвардии большой силой не являлись. Декрет о сокращении старой русской армии (она уже фактически азвалилась) на фронте и в тылу был уже подписан Лениным, Крыленко и Антоновым-Овсеенко.

Назначенный руководить операциями против войск донского войскового атамана А. М. Каледина и Украинской рады, В. А. Антонов-Овсеенко в тот же день 8 декабря 1917 года выехал из Петрограда и 10-го числа прибыл в Харьков с мандатом Совета народных комиссаров, который гласил:

«Дано сие удостоверение т. Антонову в том, что он, с согласия главковерха Крыленко, комиссара Подвойского и

всей коллегии по военным делам уполномочивается для общего руководства операциями против калединских войск и их пособников.

Пред. Сов. Нар. Ком. В. Ульянов (Ленин)».

10 декабря при могилевской Ставке Верховного главнокомандующего, пока еще существовавшей, был создан так называемый Революционный полевой штаб (РПШ). Он напрямую подчинялся В. А. Антонову-Овсеенко, выполняя его приказания по сосредоточению сил, собираемых против атамана Каледина.

Оказавшись в Харькове и разобравшись с ситуацией на Юге России, где на казачьем Дону уже вспыхнули первые очаги Гражданской войны, Антонов-Овсеенко составил план борьбы с южной контрреволюцией. Этот план был сообщен В. И. Ленину для обсуждения на заседании Совнаркома. Что же предлагал народный комиссар Комитета по военным и морским делам СНК, отвечавший за «военное министерство и внутренний фронт»:

«План был таков – оборонительная линия со стороны Полтавы (туда двигались войска Рады. – *А.Ш.*), захват узловых станций Лозовая, Синельниково (связь с Екатеринославом), что обеспечивает от провоза враждебных эшелонов с запада и пути на Донецкий бассейн (из Лозовой – в обход ненадежного пути через Балаклею). Захват Купянска, движением из Харькова и Белгорода; немедленный приступ к вооружению рабочих бассейна, Донецкой области и т. д. По-

сле концентрации некоторых сил в Донецком бассейне – вытеснение казачьих банд, рыскавших верстах в 100 к югу от Никитовки, и движение несколькими путями на восток против Каледина, одновременно с наступлением на восток – головной удар из Воронежа (главные силы Каледина расположены вдоль железной дороги Воронеж – Ростов), с востока – от Царицына… и с юга – с Кавказа…»

План Антонова-Овсеенко был связан с реалиями происходящего. В кольцо бралось и уничтожалось «калединское контрреволюционное гнездо» – столица Донского казачьего войска город Новочеркасск. Овладение узловыми станциями на линии железной дороги на Южной железной дороге (Харьков – Симферополь) давало возможность контроля над войсковыми эшелонами, которые шли с развалившегося Русского фронта в глубь России, и прежде всего эшелонов с казачьими войсками – полками, отдельными сотнями, артиллерийскими батареями.

Антонов-Овсеенко называл силы, на которые можно было положиться в борьбе с атаманом Калединым. Это были отряд бывшего прапорщика Р. Ф. Сиверса, «значительной силы отряд» черноморских моряков из Севастополя, московский отряд Красной гвардии (200 человек), революционный запасной пехотный полк в Белгороде, рабочих Донбасса, которых предстояло еще организовать и вооружить.

План этот уже в январе 1918 года претерпел существенные изменения. Удары по Новочеркасску со стороны Цари-

цына и Кавказа пришлось «отставить», и наступать на калединский Дон пришлось только со стороны Донецкого каменноугольного бассейна. Но сил у Антонова-Овсеенко для этой операции набиралось уже больше – крупный отряд Ю. В. Саблина из Москвы, советские отряды из фронтового донского казачества, пехотный полк из Финляндии, отряд Петрова. Ожидалось прибытие латышских стрелков.

В число этих войск советской власти входил красный «казацкий украинский полк в Харькове». Это был 1-й полк Червонного казачества, сформированный на основе разоруженного 2-го запасного Украинского полка «петлюровской ориентации». Формировал полк и командовал им член ЦИК Украины В. М. Примаков, герой Гражданской войны и жертва сталинских репрессий 30-х годов.

Позже В. А. Антонов-Овсеенко в своих «Записках о Гражданской войне» отмечал: «Главный удар мог исходить только из Донбасса, так как лишь отсюда можно было его надлежащим образом подготовить». От Царицынского штаба обороны во главе с С. К. Мининым реальной помощи ждать не приходилось. Самовольно ушедшая с Кавказского фронта 39-я пехотная дивизия «осела для кормления» в станицах и селах Кубани и Ставрополья и вскоре оказалась в огне казачьих восстаний.

В Харькове народный комиссар без промедления создал штаб Южного фронта. Его начальником был назначен левый эсер подполковник Муравьев, с которым Владимир Алек-

сандрович сработался в Петрограде, когда подавлялся «мятеж» 3-го конного корпуса генерала Краснова.

Антонов-Овсеенко действительно обладал высокой профессиональной военной выучкой. Мемуарист М. З. Левинсон пишет, что когда в конце декабря в Харьков прибыл под его командованием сводный отряд путиловских рабочих и солдат 176-го полка, командир с помощником Н. П. Еремеевым явились в вагон Антонова-Овсеенко. Они увидели человека в очках, с длинными волосами, похожего на музыканта или учителя. К концу беседы, получив боевое задание, они убедились, что имеют дело с человеком, отлично знающим военное дело.

Нарком, собирая в Харькове силы Красной гвардии, демонстрировал напористость и организаторский талант. Так было в деле формирования здесь Южного революционного автоброневидивизиона, ставшего первой такой частью в Красной армии. Создавался он, как говорится, с мира по нитке и самыми различными способами. Состоял из шести отделений по 4–5 броневиков в каждом. В начале января командование этими бронесилами красных было возложено на А. И. Селявкина.

В самом Харькове прапорщик Сиверс со своим отрядом, усиленным артиллерией, совершил нападение на казармы 19-го автоброневидивизиона, который поддерживал Центральную раду. Он был разоружен, а главными трофеями красных стали 4 броневика.

10 бронемашин доставил балтийский матрос Ховрин, который со своим отрядом по пути из Петрограда на Юг в городе Курске обезоружил запасной автобронедивизион английской военной миссии.

Был мобилизован на борьбу с калединскими белоказаками броневой отряд Харьковской военной комендатуры. Он состоял из 5 тяжелых машин английской фирмы «Персорац», вооруженных пушками.

Кроме этого сам В. А. Антонов-Овсеенко, прибывший в Харьков с отрядами красногвардейцев, привез с собой из Петрограда 12 броневиков фирмы «Остин».

Антонову-Овсеенко пришлось руководить не только военными действиями против белых на Дону, но и борьбой с саботажем в районах, где власть находилась в руках Советов. 10 января 1918 года комендант станции Александровск (ныне город Запорожье, Украина) Кузнецов телеграфировал народному комиссару в Харьков:

«Забастовали все служащие почт и телефона, а также другие местные самоуправления».

Через два часа оттуда в Александровск был послан следующий приказ В. А. Антонова-Овсеенко, который требовал:

«Город объявляю на военном положении. Старших чинов почт, телефона и других арестовать и доставить в Харьков. Остальным предложить в 24 часа явиться на работу, неявившихся арестовать по списку и отправить под конвоем в Юзовку, Макеевку для принудительных работ по очистке

шахт. Опубликовать широко этот приказ».

Наступление на белый Юг началось тремя колоннами – бывшего прапорщика большевика Р. Ф. Сиверса, бывшего прапорщика левого эсера Ю. В. Саблина (в скором времени один из руководителей мятежа левых эсеров в Москве) и бывшего полковника, тогда левого эсера А. И. Егорова. Колонна Сиверса в конце декабря взяла Иловайское, Саблин дошел до Луганска и Родакова, Егоров занял Екатеринослав.

Непосредственно против сил атамана Каледина наступало 17,5 тысячи красногвардейцев, революционных матросов и солдат под командованием Р. Ф. Сиверса, Ю. В. Саблина и Г. К. Петрова. В своем распоряжении они имели на передовой 48 артиллерийских орудий, 4 бронепоезда, 4 бронеавтомобиля и 40 пулеметов.

Одновременно с наступлением на белоказачий Дон шло продвижение красных войск на Киев, который находился в руках Центральной рады. Киев освободили во многом благодаря восстанию рабочих завода «Арсенал». Из тюрьмы был освобожден бывший помощник Антонова-Овсеенко Г. И. Чудновский, назначенный им первым комендантом Зимнего дворца. Теперь он, приговоренный Радой к смертной казни, стал первым комендантом советского Киева, в который из Харькова переехал ЦИК Украины.

Красные колонны продвигались с боями. В конце января Антонов-Овсеенко докладывал в Москву о достигнутых успехах: «Станции Лихая, Зверево, Сулин, по пути к северу

от Новочеркасска, заняты победоносными революционными войсками».

Атаману А. М. Каледину так и не удалось поднять Дон на борьбу с советской властью, и он застрелился. Донское войско «колыхнется» на сторону Белого дела позднее, но не в начале 1918 года: казаки устали от войны и еще не познали красного террора. В феврале красные войска занимают города Ростов и Новочеркасск, столицу Донской области. Остатки белоказаков ушли в Сальские степи, а корниловская Добровольческая армия – в свой первый Кубанский («Ледяной») поход.

Удар по белому Дону впечатлял. Известный советский историк Гражданской войны Н. Е. Какурин к достоинствам стратегического решения этой непростой задачи относил «гибкость ее решений в зависимости от обстановки», «стремление сосредоточить возможно большее количество своих сил на направлениях, выбранных для нанесения главных ударов».

В начале марта 1918 года В. А. Антонов-Овсеенко принимает новую должность. Он назначается Верховным главнокомандующим войсками Украинской Народной Республики, ее народным секретарем по военным делам. Эта должность называлась и иначе – главнокомандующий советскими войсками федеративных республик на юге.

Германские армии и войска Австро-Венгрии пошли на восток, почти не встречая должного вооруженного сопротив-

ления. Немецкие войска заняли Борисов и Полоцк, Псков и, при поддержке Центральной рады, двинулись на Киев. Россия оказалась в тяжелом положении: в соответствии с сепаратным Брест-Литовским договором старая армия была демобилизована, а новая Красная армия еще только начала создаваться.

Надо было как-то сдерживать германцев и австрийцев. Антонов-Овсеенко понимал, что для создания боеспособной армии, а не отрядов завесы, требуется время. А сражаться на западном направлении требовалось сегодня. И он нашел-таки верный ход. В первых числах марта он вызвал к себе надежного человека, старшего механика харьковского телеграфа Кожевникова, и предложил ему с товарищами сформировать боевые крестьянские дружины в Полтавской и Харьковской губерниях. Так было положено начало партизанским отрядам. Главным комиссаром по организации партизанской войны был назначен матрос Мазалов.

8 марта В. А. Антонов-Овсеенко телеграфировал в Москву председателю Совнаркома В. И. Ульянову (Ленину): «Постараюсь до 17-го организовать и нанести вторгающимся немецким бандам такие удары, чтобы им неповадно было соваться к Питеру – Москве». Однако такое обещание выполнить не удалось. Были оставлены Полтава, и после упорных боев – Екатеринослав (ныне Днепропетровск). Последний город стойко защищал Мариупольский отряд В. А. Варганова из состава 2-й советской армии.

В апреле 1918 года германские войска, взяв в союзники гайдамаков и пройдя всю Украину, вступили в Донецкий каменноугольный бассейн. Затем они промаршировали по улицам Ростова. Воевать на Юге Владимиру Алексеевичу больше не пришлось: в апреле 18-го он был срочным порядком вызван в Москву.

Начались переговоры советского правительства с германским командованием. Антонову-Овсеенко предложили объявить вооруженную борьбу на Украине прекращенной. А в это время союзники большевиков левые эсеры стали призывать к «революционной войне» против Германии. Нарком понимал, что воевать пока нечем, со своими из белого стана разобраться бы: Кубань в огне, Кумуч на Волге, атаман Семенов в Забайкалье.

В Москве у Владимира Александровича сразу нашлось много дел. 5 июля на 5-м Всероссийском съезде Советов фракция левых эсеров (352 человека) выразила недоверие советскому правительству, но большинство участников съезда эту резолюцию не поддержало. На следующий день левые эсеры Я. Г. Блюмкин и Н. А. Андреев с подложным мандатом ВЧК явились в посольство Германии и убили посла В. Мирбаха, после чего скрылись в штабе отряда при ВЧК, которым командовал левый эсер Д. И. Попов.

Там уже находились члены ЦК и другие лидеры партии левых социалистов-революционеров – М. А. Спиридонова, Ю. В. Саблин, Б. Д. Камков, В. А. Карелин, П. П. Прошьян, В. А.

Александрович (заместитель председателя ВЧК). Большинство из них Антонов-Овсеенко знал лично. Мятежники арестовали председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского, прибывшего в штаб отряда Попова с требованием выдать убийц германского посла. Затем был арестован М. И. Лацис, назначенный временным председателем ВЧК, председатель Моссовета П. Г. Смидович, ряд видных большевиков.

В ночь на 7 июля мятежные левые эсеры (около 1800 человек, 80 сабель, 6–8 орудий, 4 броневика, 48 пулеметов) под руководством Попова, Саблина и Александровича начали военные действия. Был занят центральный телеграф и призваны части столичного гарнизона присоединиться к ним, но те не «колыхнулись».

Подавлением левоэсеровского мятежа руководили председатель Высшей военной инспекции Н. И. Подвойский и начальник Латышской стрелковой дивизии И. И. Вацетис. Вечером 6-го числа была арестована фракция левых эсеров съезда Советов во главе с Марией Спиридоновой. Ударной силой большевиков по ликвидации выступления своих, уже бывших, союзников стали красные латыши.

В 2 часа ночи 7 июля позиции мятежников были окружены советскими войсками, которые в 6 утра начали наступление. Левых эсеров обстреляли из пушек после того, как они отказались сложить оружие. Около 300 человек сдалось в плен. Остальные рассеялись, их преследовали. На следующий день 13 мятежников, в том числе Александрович, за-

держанные с оружием в руках, были расстреляны по постановлению ВЧК.

Вслед за выступлением левых эсеров в Москве, на Восточном фронте произошел так называемый мятеж Муравьева. Вооруженные столкновения имели место при разоружении боевых дружин левых эсеров в Петрограде, Витебске, Владимире, Орше и других городах.

Антонов-Овсеенко не был среди руководителей подавления левоэсеровского мятежа в самой Москве. Ему поручалось преследование вырвавшихся из столицы отряды мятежников, которые отступали в направлении города Владимир. Их вскоре настигли в 30 верстах от Москвы. Были захвачены пленные, а в числе трофеев значились орудия и пулеметы. О каких-то серьезных боях в той операции сведений нет.

Когда в середине июля вспыхнул так называемый антисоветский Ярославский мятеж, В. А. Антонов-Овсеенко был назначен уполномоченным Совнаркома по его подавлению. Но член Высшего военного совета сумел прибыть в город только тогда, когда бои в нем уже закончились. С группой партийных агитаторов он побывал в Шуе и Иваново-Вознесенске, выступая на многочисленных митингах.

В июле и августе 1918 года Владимир Александрович исполнял обязанности народного комиссара по морским делам. Были серьезные опасения, что германский флот появится в водах Финского залива, на ближних подступах к Кронштадту и Петрограду. Антонов-Овсеенко дает предписание

командованию Балтийским флотом готовиться к постановке минных заграждений. То есть дополнить те обширные минные поля, которые были поставлены в начале Первой мировой войны.

9 августа штаб Балтийского флота получил экстренную телеграмму: «Минное заграждение поставить немедленно». Телеграмма была подписана В. И. Ульяновым (Лениным) и В. А. Антоновым-Овсеенко.

В августе – сентябре 1918 года народный комиссар по военным делам был командирован Совнаркомом в Берлин для участия в переговорах с правительством Германии. Рассматривались вопросы взаимоотношения двух государств, раздираемых политическими противоречиями.

Затем он непродолжительное время командует группой войск на Восточном фронте, занимавшей участок Ижевск – Пермь. В октябре в «Известиях Наркомвоен» была опубликована полемическая статья Владимира Александровича, который писал: «Подлинный стратегический узел завязывается для нас не на Дону или Кавказе, он туго завязывается на Урале».

Но долго воевать на Восточном фронте Антонову-Овсеенко не довелось. Реввоенсовет Республики, который в годы Гражданской войны возглавлял Л. Д. Троцкий (Бронштейн), учитывая опыт Антонова-Овсеенко (введенного в состав Реввоенсовета) в начале Гражданской войны, направляет его на Украину, большая часть которой уже находилась

в руках германских войск.

17 ноября он назначается командующим и членом Реввоенсовета Особой группы войск Курского направления Украинского фронта, который только начал создаваться. Основу группы составляли две украинские советские дивизии. От Главнокомандующего Вооруженными Силами Республики ожидалось значительное усиление, но на деле оно оказалось только обещанием. Резервы уходили на Восточный фронт, откуда шла наибольшая опасность.

В том же ноябре, 30-го числа, следует новое назначение. В. А. Антонов-Овсеенко возглавляет Революционный военный совет Украинской Красной армии из трех человек (он, В. П. Затонский и Ф. А. Артем). Одновременно становится членом Совета рабочей и крестьянской обороны Украинской ССР.

Советские войска начали наступление по трем направлениям – на Чернигов, Купянск и Белгород. Но вскоре их приостановили, командование стало заниматься доформированием войск и их обучением, поиском резервов. А. В. Ракитин в историко-биографическом очерке «В. А. Антонов-Овсеенко» пишет о той ситуации:

«…Так и не получив директивы главкома, Антонов решил вновь действовать против интервентов самостоятельно. Правда, лобовая атака немецких позиций наличными силами не могла принести успеха, это показала попытка взять с налета Белгород.

Командование фронта избрало другую тактику – мирные переговоры и постепенное просачивание украинских советских частей в тыл Белгорода и Харькова. Надо было, не предъявляя немцам ультиматума, не ввязываясь в тяжелые бои, постепенно оттеснять их от демаркационной линии.

События торопили! С юга угрожали флот и войска Антанты, на Дону укреплялся генерал Краснов, в Киеве – Петлюра, объединившийся с белогвардейцами».

Антонов-Овсеенко прилагал все усилия для пополнения Украинской советской армии. Это ему в значительной мере удалось. На конец декабря она насчитывала в своих рядах 14 тысяч штыков, 1350 сабель при 20 орудиях и 139 пулеметах. Но при этом надежды на «революционное разрушение» германских войск (на Украине еще оставалось 8 их дивизий) армейской группы «Киев» не оправдались.

Владимир Александрович в своих «Записках о гражданской войне» свидетельствовал: «…Как ни быстро разлагались германские части, все же они продолжали сохранять старую воинскую организацию, прежнее командование и некоторую дисциплину».

В первый день нового 1919 года в Харькове вспыхнуло восстание против петлюровцев. Германское командование поддержало войска Украинской директории под тем предлогом, что восставшие якобы мешают успешной эвакуации немецких войск. Антонов-Овсеенко на свой страх и риск двинул красные полки на Харьков и 3 января освободил го-

род от петлюровцев. На следующий день, 4 января 1919 года, он назначается командующим Украинским фронтом.

Главком Республики И. И. Вацетис дает директивное указание командующему фронтом «продвинуться до левого берега Днепра», то есть отбить у петлюровцев Киев. В то же время он телеграфировал В. А. Антонову-Овсеенко:

«Стратегические задачи на Украине настолько обширны, что для разрешения их требуется несколько армий, что по силам лишь войскам РВСР; поэтому тем 3–4 полкам, формирование которых Вами еще не закончено, мною никогда не ставилось стратегических задач».

Регулярных полков в составе сил Антонова-Овсеенко действительно имелось немного. Тогда командующий фронтом сделал ставку на формирование надежных крупных партизанских отрядов с опытными, преданными советской власти командирами. Такими отрядами командовали В. Н. Боженко, Н. Г. Крапивянский, Н. А. Руднев, Н. А. Щорс и другие. События развивались быстро. 1-я Советская Украинская дивизия, нанеся поражение петлюровцам, освобождает Чернигов и Бахмач. Владимир Александрович, прибыв в родной Чернигов, приветствовал там командира дивизии Локотоша и его бойцов.

Симон Петлюра сумел оправиться от удара и собраться с силами. Он объявляет о формировании пяти армейских корпусов. 16 января Украинская директория объявляет войну Советской России. Но командование Украинского фронта

опережает противника в начале наступления, главными силами идя на Киев. Петлюровцы, понеся большие потери, сочли за благо оставить город без боя. 6 февраля в Киев вступают два советских полка – Богунский Николая Щорса и Таращинский В. Н. Боженко.

Штаб Украинского фронта продолжал находиться в Харькове. Антонову-Овсеенко директивно ставится задача – поддержать Южный фронт и до конца разгромить петлюровцев. Наступление возобновляется: на острие атакующего удара ставится дивизия Щорса. В марте занимаются Винница и Жмеринка.

Войска фронта вышли в пределы Правобережной Украины, к Северной Таврии и степным районам Приазовья. Они были развернуты в полосе около одной тысячи километров от правого берега реки Припяти до Гуляй-Поля и состояли из 1-й и 2-й Украинских, 1-й Заднепровской советских дивизий, двух бригад и нескольких отдельных полков. К середине февраля силы фронта насчитывали 43,6 тысячи штыков и 3,5 тысячи сабель при 124 орудиях и 606 пулеметов.

Наступательная операция заканчивается к 1 апреля выходом красных войск на берега пограничного Днестра. Главнокомандующий Республики И. И. Вацетис докладывал председателю Совнаркома: «Успех превзошел всякие ожидания».

Развивая успех, войска Украинского фронта врываются в Крым. Перекоп и Сиваш брала дивизия Петра Дыбенко, быв-

шего председателя Центробалта и народного комиссара по морским делам, соратника Владимира Александровича по Октябрю 17-го года в Петрограде.

Встал вопрос о создании советского правительства Крыма. Но командующему Украинским фронтом пришлось заняться другим делом. 6 апреля советские войска взяли Одессу. Под городом впервые красные взяли в качестве трофеев танки: один из них был отправлен в Москву в качестве подарка председателю Совнаркома.

Вскоре мятеж подняла бригада атамана Н. А. Григорьева, участвовавшая в боях за Одессу. Захватив в городе богатые трофеи, Григорьев отвел бригаду «на отдых» в Александрию. Перед этим командующий Украинским фронтом в штабном вагоне имел разговор с глазу на глаз с бывшим петлюровцем.

Перед этим с фронта были сняты все боеспособные части, которые перебросили в Донбасс для удержания каменноугольного бассейна от перешедшей в наступление Добровольческой армии генерал-лейтенанта А. И. Деникина и донских белоказаков. В Донбасс отправилось до 50 тысяч штыков, 4 тысячи сабель (5 кавалерийских полков), артиллерия, броневые части.

В тылу «разложилась» бригада Нестора Махно: она, уйдя с фронта, «открыла» его для белых. Неблагонадежность махновцев Антонов-Овсеенко определил еще тогда, когда посетил их столицу Гуляй-Поле, где, как командующий фронтов,

провел смотр местным запасным частям.

Теперь возникла серьезная опасность соединения Григорьева с Махно. Активизировались петлюровцы. В это время пришло распоряжение РВСР расформировать Украинский фронт и передать часть его войск Западному фронту, а часть – Южному фронту. Это было требование Л. Д. Троцкого. Картина Гражданской войны в России резко менялась.

Антонов-Овсеенко сложил с себя полномочия командующего войсками Украинского фронта на основании постановления Совета обороны Советской Украины от 11 мая 1919 года. Но главнокомандующим всеми ее вооруженными силами он еще оставался, и периодически вмешивался в оперативные распоряжения войскам.

Бывший командующий Украинским фронтом «без работы» долго не остался. В августе 1919 года он назначается уполномоченным ВЦИК и ЦК РСДРП(б) по продразверстке. Должность не связывала его с руководством войсками.

Возможно, на такое назначение вчерашнего командующего фронтом повлиял «суровый выговор» из Москвы за то, «что вопреки обещаниям и несмотря на многократные настояния, ровно ничего серьезного для освобождения Донбасса не сделано». Под выговором стояли три подписи, в том числе В. И. Ульянова (Ленина) и И. В. Сталина. Более того, ему угрожали партийным судом.

В октябре 1919 года ЦК РКП(б) направляет В. А. Антонова-Овсеенко в Тамбовскую губернию. Там он работает пред-

седателем губернского исполкома. Через несколько лет Владимир Александрович на страницах газеты «Правда» расскажет о тех трудных, неспокойных временах:

«Фронт близко. На фронте неудачи. В губернии бродят шайки “зеленых”, в городе – чека сообщает – белые готовят восстание. Губком превращен в крепость. У подъезда часовой из комотряда, на площадке лестницы – другой, на посту. В передней – скамьи, бревна на случай баррикадировать двери. В губкоме постоянное дежурство нескольких человек для связи…

На балконе – в сторону площади – пулемет. Полевой телефон – с заводским комитетом, с чека, на случай разрыва обычной городской связи».

Когда фронт стал отходить на юг, надобность для Москвы в пребывании Владимира Александровича в Тамбовской губернии отпала. Он получает новые должности, на которых не задерживается. Становится заместителем Главного комитета по всеобщей трудовой повинности (Главкомтруда). Назначается членом коллегии Наркомата рабоче-крестьянской инспекции. Утверждается членом при Совете труда и обороны по проведению в жизнь военного положения (оно вводилось в 24 губерниях), а потом еще и членом коллегии Наркомата труда. Отбывает в Пермь с правами уполномоченного ВЦИК, становясь там председателем губернского совещания.

В 1920–1921 годах В. А. Антонов-Овсеенко снова оказы-

вается в Тамбове, но уже в новом качестве. Он становится председателем полномочной комиссии ВЦИК по ликвидации известного в отечественной истории Тамбовского крестьянского восстания, которое в советское время называлось кулацко-эсеровским. На борьбу с ним были брошены значительные силы Красной армии (РККА). Восстание охватило не только Тамбовскую, но и соседние с ней Воронежскую и Саратовскую губернии.

После жестокого подавления «антоновщины» на Тамбовщине Антонов-Овсеенко оказывается на посту председателя Самарского губисполкома и комиссии помощи голодающим. Избирается председателем Самарского городского исполкома. В декабре 1922 года он – председатель Полномочной комиссии ЦК РКП(б) в Кронштадте. Исследователей Гражданской войны поражает тот факт, что в те годы Владимир Александрович не засиживался в должностях.

В 1922–1924 годах В. А. Антонов-Овсеенко – начальник Политического управления Реввоенсовета Республики (с 28 августа 1923 года – Реввоенсовета СССР).

Во время пребывания на посту главного политработника РККА он стал известен тем, то по его личной инициативе с 1 января 1924 года стала издаваться центральная военная газета «Красная звезда», ныне центральный печатный орган Министерства обороны Российской Федерации.

В те же годы Владимир Александрович был председателем Военно-исторической комиссии, членом редколлегии и

председателем военной секции Истпарта (истории партии) при ЦК РКП(б). Его перу принадлежат: «Записки о Гражданской войне» (4 тома), мемуары «В семнадцатом году», первый марксистский очерк истории Гражданской войны «Строительство Красной армии в революции».

Когда «отзвучали» последние отголоски Гражданской войны, Владимира Александровича направляют трудиться на дипломатическое поприще, благо опыт работы за границей еще до Октября 17-го был немалый. Весной 1924 года он возглавляет дипломатическую миссию в Кантоне по вопросу об урегулировании советско-китайских отношений. С 1924 по 1928 год – полномочный представитель СССР в Чехословакии. Затем такие же посты занимает в Литве и Польше (с 1928 по 1934 год).

В эти годы у В. А. Антонова-Овсеенко выходит четырехтомник «Записок о Гражданской войне». Он имел большой успех у читателей.

Было время (1923–1927 годы), когда В. А. Антонов-Овсеенко ходил в сторонниках Л. Д. Троцкого, примкнув к троцкистской оппозиции. Его счастьем являлось то, что фракционной работы в рядах партии он не вел. Газета «Правда» 8 апреля 1928 года писала, что, разобравшись в сущности позиции троцкистов, Антонов-Овсеенко порвал с ними. Однако И. В. Сталин о троцкистском прошлом организатора штурма Зимнего дворца, ставшего крупным советским дипломатом, помнил. Думается, что подозрительность к себе

вождя Владимир Александрович с начала 30-х годов ощущал.

В июне 1934 года полномочного посланника в Варшаве отзывают в Москву и неожиданно для многих (и для него самого) назначают прокурором РСФСР, хотя он никакого юридического образования не имел. Но зато был тверд по отношению к врагам революции в годы Гражданской войны, кто бы они ни были: контрреволюционеры или белые, махновцы или мятежные тамбовцы. Одновременно В. А. Антонов-Овсеенко (с 1934 по 1937 год) является членом ВЦИК.

Когда в далекой Испании начинается Гражданская война, он снова призывается на дипломатическое поприще. Антонов-Овсеенко назначается генеральным консулом СССР в Барселоне. Ему приходится заниматься поставками вооружения для войск республиканцев, вопросами участия в войне советских военных специалистов. В республиканской Испании Владимир Александрович находился с сентября 1936 года по сентябрь 1937 года.

По возвращении с войны в Испании он в том же сентябре 37-го назначается народным комиссаром юстиции РСФСР. В этой высокой должности, когда маховик сталинских репрессий был раскручен, Антонов-Овсеенко пробыл совсем недолго. 12 октября последовал арест по сфабрикованному делу. Следствие шло почти четыре месяца. Арестант содержался в Бутырской тюрьме (в «Бутырках»).

8 февраля 1938 года Военная коллегия Верховного суда

РСФСР приговорила его к 10 годам лишения свободы без права переписки. В тот же день видный большевик В. А. Антонов-Овсеенко был… расстрелян: его не стало в 55 лет.

Гражданская реабилитация Владимира Александровича Антонова-Овсеенко, профессионального революционера, наркома по военным делам и главнокомандующего фронтом в годы Гражданской войны, полномочного посла СССР, прокурора и наркома юстиции РСФСР состоялась в 1954 году. В следующем году он был посмертно восстановлен в рядах Коммунистической партии. В феврале 1956 года – публично реабилитирован на XX съезде КПСС.

В 1973 году В. А. Антонову-Овсеенко на его родине, в городе Чернигове, был поставлен памятник.

Когда вчитываешься в строки «разношерстной» биографии этого человека удивительной даже для годин Гражданской войны судьбы, то думается о той роли, которую он сыграл тогда. Овсеенко чем-то напоминает лихого, умелого «пожарника» в руках глав Реввоенсовета и Совнаркома, кидавших вчерашнего профессионала-подпольщика Антонова туда, где было «тонко» и грозило прорывом, где приходилось начинать, как говорится, почти с нуля и стоя на зыбучем песке. Где требовался человек решительный и жесткий, потому что время стояло такое.

Таких «пожарников», да еще с клеймом бывшего троцкиста, неважно, какого уровня, история Гражданской войны в России знает немало. Эти люди, кто выжил в ее огне, пе-

режить сталинские репрессии 30-х годов просто не могли: судьба у них на финише была незавидная. Трагичная.

Блюхер Василий Константинович Главнокомандующий Народно-революционной армией, советник Сунь Ятсена

Один из первых пяти Маршалов Советского Союза родился в 1890 году в деревне Барщинка (всего 16 дворов) Георгиевской волости Рыбинского уезда Ярославской губернии в семье русского крестьянина-бедняка, внука суворовского солдата, по имени Лаврентий и по прозвищу Блюхер. Мать была из крестьянского православного рода Медведевых соседней деревни Курганово.

Такое прозвище Лаврентий, вернувшись со службы (скорее всего, будучи увечным воином) в родную деревню, получил за обилие наград – Георгиевский крест и медали за Отечественную войну 1812 года – от своих земляков. Они при встрече сравнили земляка, обладателя солдатского «Егория», с прусским генерал-фельдмаршалом Гебхардом Блюхером, виденным на лубочных картинках. Со временем такое необычное прозвище стало «немецкой» фамилией крестьянского рода на Ярославщие.

Трудовую деятельность «отходника» Василий Блюхер начал в 1904 году, после окончания сельской церковно-при-

ходской школы. Начинал с «мальчика на побегушках» мануфактурного магазина в Санкт-Петербурге. Затем трудился подручным и слесарем на ряде заводов. На Мытищинском вагоноремонтном заводе состоялось первое знакомство молодого рабочего с агитаторами-революционерами.

В феврале 1910 года за призыв рабочих на митинге в Мытищах был арестован во время выступления. Суд приговорил его к 2 годам и 8 месяцам тюремного заключения. Этот срок наказания он провел в Бутырской тюрьме в Москве.

Выйдя из тюрьмы, Василий Блюхер много занимался самообразованием, учился на годичных подготовительных курсах, но поступить в университет, что было его мечтой, не успел. Началась Первая мировая война.

В августе 1904 года он был призван в армию. После обучения в 93-м запасном полку он попал рядовыми в 19-й пехотный Костромской полк. Воевал на Юго-Западном фронте, в полковой команде охотников (разведчиков). За отличия в боях был награжден Георгиевскими крестами 3-й и 4-й степеней, Георгиевской медалью «За храбрость» 4-й степени и чином младшего унтер-офицера.

На фронте Василий Блюхер провоевал всего четыре месяца. Во время разведки под Тернополем, во время боя в январе 1915 года он получил тяжелые осколочные ранения от разрыва гранаты. В госпиталях, после нескольких операций, пролежал целый год. Его дважды санитары переносили в морг, посчитав за умершего.

Младший унтер-офицер был уволен из армии как инвалид войны с назначением пенсии. Его левая нога стала короче на полтора сантиметра, и Василию Блюхеру пришлось, скрывая свою хромоту, учиться ходить вразвалочку. Подлечившись в родной деревне, он отправляется на поиски работы, которую находит в Казани, на местном механическом заводе. Здесь, в июне 1916 года, фронтовик вступает в партию большевиков.

После Февраля 17-го года Блюхер переехал на новое место жительства, в Самару. Здесь он установил связь с местным большевистским комитетом. Вскоре от председателя Самарского губернского ревкома (РВС) В. В. Куйбышева получил задание устроиться добровольцем в местный 102-й запасной полк. Не без труда георгиевский кавалер-инвалид был зачислен в запасную воинскую часть, где начал вести агитационную работу. Был избран председателем полкового комитета. Во время Октября 17-го года полк выступил на стороне революции.

В Поволжье и соседний с ним Урал пришла Гражданская война. В Самаре создается вооруженный отряд, который направляется к Челябинску для очищения города от оренбургских белоказаков атамана А. И. Дутова. Комиссаром революционного отряда, которым командовал капитан старой армии Садлуцкий, назначается помощник комиссара гарнизона Самары большевик Василий Блюхер. Самарцы, на вагонах эшелонах которого вывели надпись «Демобилизованные»,

без боя с казачьими заслонами прорвались к Челябинску и участвовали в освобождении города.

После этого самарцы подкрепили так называемый «Северный летучий отряд» моряков-балтийцев мичмана Сергея Павлова. Этот отряд в истории Гражданской войны был знаменит «ликвидацией» Ставки Верховного главнокомандующего России в городе Могилеве и зверским убийством на местном вокзале генерал-лейтенанта Н. Н. Духонина, только вступившего в командование Ставкой.

С марта Блюхер командовал сводным Восточным отрядом в борьбе с дутовщиной. «Северный летучий отряд», самарцы, уральские отряды красногвардейцев завязали бои с белоказами-дутовцами в районах Троицка, станицы Татищевой, Оренбурга, Верхнеуральска, других местах. Неприятель, будучи разбитым, уходил в степи. В этих боях проявились незаурядные способности В. К. Блюхера, его умение руководить отрядами в сложной боевой обстановке.

Блюхер становится на время председателем Челябинского ревкома и Совета. 10 мая он получает новое назначение. В выданном ему мандате говорилось:

«Предъявитель сего товарищ Василий Блюхер Уральским областным военным комиссаром (Ф. И. Голощекиным. – *А.Ш.*) назначается главнокомандующим всеми отрядами, находящимися под Оренбургом. Всем начальникам отрядов предписывается точное и беспрекословное подчинение всем распоряжениям товарища Блюхера».

Путь воинского эшелона из Челябинска под Оренбург лежал через Самару. Но тут вспыхнул мятеж Чешско-Словацкого корпуса. Белочехи захватили и Челябинск, и Самару. Советские войска под Оренбургом оказались отрезанными от своих тылов и находились в фактическом враждебном окружении. Отряд Блюхера первый бой с белочехами провел под Бузулуком, но дальше ему продвинуться не удалось.

Отряды красногвардейцев и красных партизан стали стягиваться к Белорецкому заводу (ныне город Белорецк) на реке Белой. Здесь на заседании военного совета 2 августа 1918 года по предложению В. К. Блюхера был согласован план дальнейшего прорыва по тылам белых на соединение с Красной армией через Верхнеуральск, Миасс, Екатеринбург навстречу войскам Восточного фронта, о местонахождении которых информации не имелось.

Главнокомандующим был избран бывший казачий офицер Николай Каширин, а его заместителям стали Блюхер и Иван Каширин, брат Николая. В то же время Василий Блюхер оставался командиром самого большого, сводного Уральского отряда. Другими большими отрядами являлись Верхнеуральский Н. Д. Каширина и Троицкий Н. Д. Томина. Соединенные советские отряды получили название «Уральской партизанской армии».

Армия за 8 дней ожесточенных боев прошла около 50 километров и подступила к городу Вернеуральску. Перед ним состоялся тяжелый бой на лысой горе Извоз, которая гос-

подствовала над округой. Но удержаться у Верхнеуральска и поселка Тирлянский, окруженных восставшими казачьими станицами, красным не удалось. Из-за недостатка сил (4700 штыков, 1400 сабель, 13 орудий) они были вынуждены отойти опять к Белорецкому заводу.

В боях у Верхнеуральска был тяжело ранен в ногу главнокомандующий Н. Д. Каширин, и руководить отрядами на поле боя он уже не мог. 2 августа по решению военного совета его сменил Блюхер. Василий Константинович реорганизовал разрозненные отряды в полки, батальоны и роты и предложил новый план похода: через Петровское, Богоявленский завод и Архангельское прорываться на Красноуфимск. По такому пути можно было опереться на местных рабочих, получить пополнение и продовольствие. Военный совет такой план принял.

Начав поход 5 августа, Уральская партизанская армия к 13 августа с боями преодолела Уральский хребет в районе Богоявленского завода. Вместе с партизанами уходили многие их семьи. По пути Блюхер присоединил к себе 2-тысячный Богоявленский партизанский отряд М. В. Калмыкова, а затем Архангельский отряд В. Л. Дамберга (1300 человек) и ряд других местных отрядов красных партизан.

Теперь Уральская партизанская армия представляла из себя значительную силу. Она имела в своем составе 6 стрелковых и 2 кавалерийских полков, артиллерийский дивизион, другие части. Всего 10,5 тысячи штыков и сабель, 18 орудий.

Армия двигалась на марше, имея впереди авангард, за ним главные силы, а затем арьергард. Длина походной колонны составляла до 20 километров. Движение тормозили плохие дороги и обоз с беженцами.

Блюхер понимал всю невыгодность положения армии: путь ее лежал в треугольнике рек Залима, Белая и Сим. Следовало как можно скорее покинуть его. Приходилось сокращать стоянки, совершать ускоренные марши. И каждодневно вести разведку по пути движения армии красных партизан Юга Урала.

Белое командование прилагало немало усилий для ее разгрома. 20 августа у населенного пункта красные партизаны выиграли тяжелый бой. 27 августа они форсировали реку Сим и заняли железнодорожную станцию Иглино, 12 километров северо-восточнее Уфы. Участок железной дороги Уфа – Челябинск был разрушен, и неприятель, в том числе белочехи, на Урале на пять дней потеряли прямое сообщение с Сибирью. Это был чувствительный удар.

Последовали новые бои – на реке Уфа, у селения Красный Яр (здесь был построен мост через реку, помогали местные жители-башкиры), в других местах. К 10 сентября Уральская партизанская армия дошла до района Аскина, и у села Тюйно-Озерская прорвала кольцо окружения: белых войск из состава Сибирской армии перед ней уже не наблюдалось.

Войска Блюхера выходили на соединение с передовыми частями советской 3-й армии Восточного фронта три дня:

с 12 по 14 сентября. Штаб 1-й Бирской бригады, которой командовал Павел Деткин, самым гостеприимным образом встретил партизанского командующего.

Через десять дней красные партизаны Южного Урала прибыли в город Кунгур, где их основная часть влилась в состав поредевшей в прошедших боях 4-й Уральской (ставшей затем 30-й) стрелковой дивизии. Начальником ее назначается В. К. Блюхер. Меньшая часть пошла на пополнение других дивизий и полков: потери советской 3-й армии во время наступления белой Сибирской армии на Пермь оказались серьезными.

Так Уральская партизанская армия прекратила свое существование, а ее 54-дневный поход героической страницей вошел в историю Гражданской войны в России. Путь ее походил по горам, лесам и болотам. Бойцы проявили высокую организованность и массовый героизм, проведя более 20 победных боев. Были разгромлены несколько белых частей, полк белочехов и полк польских легионеров, гарнизон Стерлитамака. Действия Уральской партизанской армии содействовали начавшемуся наступлению Восточного фронта, что признавало высшее командование противной стороны.

Газета «Часовой революции» в день вступления красных партизан Юга Урала в Кунгур писала: «Все на праздник в честь наших красных боевых молодцов, в честь цвета Красной армии – блюхеровских отрядов».

О южноуральских партизанах и их командующем запра-

шивала Москва, Совнарком и Реввоенсовет Республики. Член Уральского обкома партии большевиков А. П. Спунде писал председателю Совнаркома В. И. Ульянову (Ленину):

«Посылаю вам сведения о Блюхере, о котором мы с вами… говорили… Товарищи утверждают, что буквально во всех случаях его стратегические планы на проверку оказывались абсолютно удачными. Поэтому Уральский областной (комитет) РКП(б) (и, конечно, Советов тоже)… настаивают на том, чтобы Блюхер с его отрядами был отмечен высшей наградой, какая у нас существует…»

Реввоенсовет 3-й армии доложил председателю ВЦИК Я. М. Свердлову: «Переход войск тов. Блюхера в невозможных условиях может быть приравнен разве что к переходам Суворова в Швейцарии. Мы считаем, что русская революция должна выразить вождю этой горсточки героев, вписавших новую славную страницу в историю нашей молодой армии, благодарность и восхищение».

В те дни учреждается самый первый советский орден Красного Знамени. Он был предназначен для награждения граждан РСФСР, «проявивших особую храбрость и мужество при непосредственной боевой деятельности». Иначе говоря, это была высокая орденская награда за военные заслуги.

28 сентября 1918 года Президиум Всероссийского Центрального исполнительного комитета постановил: «Первым по времени знак отличия присудить тов. Блюхеру». Так Ва-

силий Константинович Блюхер, будущий Маршал Советского Союза, стал обладателем военного ордена Красного Знамени (но не за № 1, как это ошибочно считается). Стал самым первым орденоносцем среди советских военачальников.

В памятке награжденного орденом Красного Знамени были такие строки: «Тот, кто носит на своей груди этот высокий пролетарский знак отличия, должен знать, что он из среды равных себе выделен волею трудящихся масс, как достойнейший и наилучший…»

В 1918 году 30-я стрелковая дивизия В. К. Блюхера сражалась на Кунгурском и Пермском направлениях против войск Сибирской армии адмирала Колчака, которой командовал белочех генерал Радула Гайда. Сибиряки в условиях суровой уральской зимы держались стойко, и потому наступление левого (северного) крыла Восточного фронта развивалось совсем не так, как на западном (южном) крыле.

Первый бой дивизия провела 24 сентября. Она прикрывала районы Сылвинского, Сергинского и Бисертского заводов. Красные партизаны, теперь красноармейцы, сумели отразить наступление противника: «Блюхер произнес на митинге речь, напомнил подчиненным об их опыте и призвал не посрамить партизанской славы».

Отразив натиск колчаковцев, 30-я стрелковая дивизия сама пошла вперед. 2 октября она овладела городом Красноуфимском. Генерал Гайда, получив подкрепления, подгото-

вил контрудар по тому участку фронта, который занимали полки Блюхера. Он телеграфировал в Омск Верховному правителю России адмиралу А. В. Колчаку: «3-я армия после пополнения отрядами Блюхера и Каширина на Красноуфимском направлении теснит Иркутскую дивизию. Срочно необходима ей помощь».

Когда стало ясно, где противник наносит главный атакующий удар, Блюхер понял, что если его дивизия здесь не выстоит, то ослабленные войска 3-й армии не выстоят в других местах. Колчаковская Сибирская армия перешла в наступление на город Пермь 29 ноября, когда уже лежали глубокие снега. В самое трудное положение попал 1-й Морской Кронштадтский полк, который был окружен и полностью погиб.

Блюхер понял, что через эту брешь в линии фронта белые устремятся к Перми. Он попытался залатать дыру, закрыв ее Белореченским резервным полком Пирожкова. Комдив лично водил красноармейцев в атаки, на время приостановив наступательный порыв белых сибиряков. Он даже успел поздравить своих бойцов с боевым успехом.

Перед Новым годом установились суровые морозы. Потери в боях, обморожения, болезни обескровили 30-ю стрелковую дивизию. Поняв, что ему дольше не удержать позицию, Блюхер 21 декабря стал отводить свои полки. В результате этого 25 декабря Пермь была занята сибирскими войсками генерала Гайды, которые, развивая успех, вышли на берега Камы и даже попытались ее форсировать в районе го-

рода Ассы. 3-я армия М. М. Лашевича отступала под натиском белых.

Но вскоре наступление колчаковской Сибирской армии застопорилось. Причина этого заключалась в следующем. Разведка 30-й стрелковой дивизии сумела перехватить приказ командира 1-го Сибирского корпуса генерал А. Н. Пепеляева. Из приказа стало ясно, что Пепеляев задумал нанести удар по левому флангу дивизии Блюхера и захватить Павловский и Очерский заводы. Белые стягивали сюда значительные корпусные силы.

Блюхер умело распорядился полученными данными разведки, решив упредить атаку неприятеля. Он взял под личное командование 1-ю Красноуфимскую бригаду и с ней совершил по заснеженным лесам глубокий обход ударной группы пепеляевцев. Те не ожидали от красных такого рискованного марш-броска по лесному бездорожью. Атака бригады Блюхера имела полный успех.

Развивая его, в наступление перешла вся советская 3-я армия: теперь инициатива оказалась в руках красного командования. Умелые действия Василия Константиновича Блюхера по срыву вражеского наступления не остались незамеченными: 31 января 1919 года он назначается помощником командующего 3-й армии Лашевича.

В апреле следует новое назначение – начальником Вятского укрепленного района. Он был создан для того, чтобы не допустить соединения войск Сибирской армии адмирала

Колчака и отрядов генерала Е. К. Миллера, командовавшего белой армией Северной области, наступавших от Архангельска. Блюхеру пришлось заниматься строительством полевых укреплений, формированием «гарнизонов защиты».

Восточный фронт, перейдя в наступление на своем левом крыле, освободил города Пермь и Кунгур. Командующий фронтом М. В. Фрунзе приказал сформировать новую стрелковую дивизию, которая получила номер 51-й. Ее составили из Вятской крепостной бригады, Особого Северного экспедиционного отряда и Особой бригады. Немалая часть личного состава состояла из рабочих уральских заводов.

Начальником дивизии 15 августа 1919 года был назначен краснознаменец В. К. Блюхер. Дивизия вошла в состав 3-й армии, которой теперь командовал С. А. Меженинов. Во главе 51-й стрелковой Блюхер участвовал в разгроме Колчака.

Наступать ему пришлось на открытом северном фланге Восточного фронта, на восток от Тюмени. 20 августа дивизия форсировала реку Тобол, затем переправилась через Иртыш и двинулась на город Тобольск, который был когда-то необъявленной сибирской столицей. Продвижение вперед шло успешно: Тобольск был занят.

Но вскоре ситуация на Восточном фронте резко изменилась. Колчак, собравшись с силами, перешел на рубеже рек Иртыш и Тобол в контрнаступление. Советская 5-я армия, которой командовал будущий Маршал Советского Союза М. Н. Тухачевский, оказалась отброшенной назад. Колчаковцы

потеснили и 3-ю армию (Блюхер вывел дивизию из окружения), которой пришлось оставить Тобольск. Туда победно прибыл на пароходе адмирал А. В. Колчак, чтобы лично поздравить белые войска с большой победой.

Спустя некоторое время 51-я стрелковая дивизия вернула город Тобольск назад. Теперь колчаковцы главными силами отступали на восток по линии Транссибирской железнодорожной магистрали. Вскоре красные 11 ноября 1919 года заняли Омск, столицу Белой Сибири. В этой операции дивизия Блюхера совершила глубокий фланговый обход. Честь занятия Омска она разделила с 27-й и 30-й стрелковыми дивизиями, которые наступали с фронта.

К лету 1920 года на театре Гражданской войны в России создалась критическая обстановка. На этот раз она сложилась на Западном фронте против белопанской Польши и Южном фронте против врангелевской Русской армии. По приказу из Москвы туда была переброшена часть освободившихся войск Восточного фронта, перед натиском которого колчаковцы отступали в Забайкалье.

51-я стрелковая дивизия из Сибири прибыла на Южный фронт в начале августа. Она заняла позицию на Каховском плацдарме, сразу приступив к его инженерному оборудованию. Было устроено несколько линий окопов и проволочных заграждений, строились блиндажи и устраивались батарейные позиции. Тогда Блюхер познакомился с военным инженером Д. М. Карбышевым. У Каховки находились четыре пе-

переправы через Днепр. Советские войска под Каховкой были усилены авиационной группой И. У. Павлова.

Советские войска нанесли по противнику несколько контрударов. Но 12 августа конный корпус генерала И. Г. Барбовича и 2-й армейский корпус генерала Я. А. Слащева заставили красные войска отойти на подготовленные оборонительные рубежи. Непрерывные атаки белых на Каховку продолжались до 20 августа, но безуспешно.

Отразив все вражеские атаки, советские войска (4 дивизии, в том числе и 51-я, и Херсонская группа) перешли в контрнаступлении и 26 августа вышли на подступы (20–30 километров) к городу Мелитополю. Однако в ответ конный корпус генерала Барбовича, усиленный Корниловской и 6-й пехотными дивизиями, нанес сильный удар по левой группе советских войск (дивизия Блюхера и 52-я стрелковая дивизия), а 2-я Донская казачья дивизия – по ее правому флангу и центру.

Советские войска снова отошли обороняться на Каховский плацдарм, который на этот раз был занят 51-й стрелковой дивизией и бригадой 15-й стрелковой дивизии под общим командованием В. К. Блюхера (11 тысяч штыков и сабель, 52 орудия, 10 бронемашин, 368 пулеметов). В день 14 октября белые войска начали крупное наступление, имея цель через переправы у Каховки прорваться на правобережье Днепра. На то время Врангель не имел успеха только под Каховкой.

На Каховский плацдарм начались сильные двухдневные атаки 2-го армейского корпуса, которым теперь командовал генерал В. К. Витковский (свыше 6 тысячи штыков, до 700 сабель, 12 танков, 14 бронеавтомобилей, 80 орудий, 200 пулеметов). С воздуха атакующих поддерживало 15 аэропланов. Атакующих врангелевцев не смущало даже то обстоятельство, что оборонявшиеся красные войска имели заметное превосходство в силах и пулеметах. В рядах атакующих двигались танки – невиданное доселе в Гражданской войне оружие. До этого они использовались только в одиночных случаях.

Когда атакующий натиск белых, понесших большие потери в людях, иссяк, Блюхер 15 октября сам перешел в решительное наступление, отбросив неприятеля от Каховского плацдарма на 10–20 километров. Красные захватили у белых в качестве трофеев 10 (!) танков, 7 бронемашин и 70 пулеметов. Каховка выстояла и стала легендарной для истории РККА.

Командующий Южным фронтом М. В. Фрунзе писал о тех днях: «Геройские войска под общей командой Блюхера не только отбили атаку врага, но и перешли в дружную контратаку, окончательно разгромили его и с боем овладели всей линией его расположения».

Умелые действия Василия Константиновича Блюхера на Каховском плацдарме стали образцовыми для истории Гражданской войны в России. Личные его заслуги виделись

несомненными. Наградой ему за Каховку стали золотые часы с надписью: «Честному воину Рабоче-Крестьянской армии от ВЦИК». Другой наградой для командира 52-й стрелковой дивизии стал второй орден Красного Знамени.

Затем дивизия В. К. Блюхера прославила себя в Перекопско-Чонгарской операции Южного фронта, которая проводилась с 7 по 17 ноября 1920 года с целью завершения разгрома белой армии барона Врангеля и освобождения Крыма. 51-я стрелковая дивизия вошла в состав ударной группы советской 6-й армии, которой командовал А. И. Корк. Ей предстояло силами двух своих бригад (ее отдельная кавалерийская бригада через Сиваш наступала на Литовский полуостров) атаковать в лоб вражескую Перекопскую позицию.

Эта позиция (Перекоп) состояла из Турецкого вала длиной до 11 километров, высотой в 10 метров, глубиной рва перед валом 10 метров, прикрытого тремя линиями проволочных заграждений. Вторая полоса обороны белых проходила на удалении 20–25 километров от первой лини, то есть Турецкого вала, имела 6 линий окопов, тоже прикрытых проволочными заграждениями.

О штурме Перекопа и участии в нем 51-й стрелковой дивизии В. К. Блюхера в «Истории Гражданской войны в СССР» (в двух томах) записано в таких словах:

«Наступление советских войск началось в ночь на 8 ноября. Ударная группа 6-й армии в 15-градусный мороз (точнее – сильный ветер и 11–12-градусный мороз), в ледяной

воде по трем бродам перешла Сиваш… и на рассвете заняла Литовский полуостров…

С утра 8 ноября после четырехчасовой артиллерийской подготовки части 51-й стрелковой дивизии при поддержке 15 бронеавтомобилей начали штурм Турецкого вала. Однако из-за тумана артиллерия не смогла надежно подавить огневые средства противника. В ходе трех фронтальных атак вала дивизия понесла большие потери от пулеметного и артиллерийского огня противника и была вынуждена залечь перед рвом.

На чонгарском направлении в это время войска 4-й армии еще готовились к переходу в наступление. Наступление 9-й стрелковой дивизии по Арбатской стрелке было сорвано огнем вражеских кораблей.

Днем 8 ноября осложнилось положение на Литовском полуострове, так как неожиданно переменился ветер и вода в Сиваше стала прибывать. В результате создалась угроза полной изоляции на полуострове частей Ударной группы 6-й армии. Оценив сложившуюся обстановку, М. В. Фрунзе принял незамедлительные меры для усиления войск на перекопском направлении и Литовском полуострове. Он приказал 2-й конной армии сосредоточиться в районе Перекопа, а одной дивизией поддержать атаку 51-й стрелковой дивизии, которой предстояло немедленно возобновить штурм Турецкого вала…

В четвертом часу ночи 9 ноября части дивизии В. К. Блю-

хера в ходе четвертой атаки, поддержанной бронеавтомобилями, под ураганным огнем противника, ослепляемые прожекторами, овладели Турецким валом, искусно обойдя частью сил его левый фланг вброд по западной части Перекопского залива.

Ударная группа 6-й армии усилила натиск на Литовском полуострове, что вынудило врага ослабить оборону на перекопских направлениях и начать отход ко второй полосе… К утру на Литовский полуостров переправились 7-я кавалерийская дивизия и махновцы, которые совместно с 52-й стрелковой дивизией стали теснить врангелевцев к Юшуню…

Успешно развивалось наступление и на перекопском направлении. 52-я стрелковая дивизия к вечеру 10 ноября вышла к третьей линии Юшуньских позиций…

В этот район была переброшена 2-я конная армия, которая 11 ноября смяла и обратила в бегство конный корпус врага. Этот день стал переломным в Перекопско-Чонгарской операции. Угроза потерять пути отхода вынудила противника начать отступление на всем фронте».

К вышесказанному следует добавить следующее. Во время начала штурма Турецкого вала командующий Южным фронтом М. В. Фрунзе и командующий 6-й армией А. И. Корк находились в штабе Блюхера. В атаку пошли 152-я бригада и 1-й ударный полк; они потеряли убитыми и ранеными почти 60 процентов своего состава.

Достичь рва перед валом бойцам Блюхера удалось только ночной атакой. Спустившись в ров, они оказались в мертвом пространстве: пулеметный огонь с вала теперь их не накрывал. Красноармейцы пошли вдоль вала и вошли в воды Перекопского залива, и так же, как и по Сивашу, обошли теперь и правый фланг, выйдя в тыл защитникам Турецкого вала.

После занятия с боем Перекопской позиции врангелевцев дивизия Блюхера на рассвете 11 ноября овладела первыми тремя оборонительными позициями белых у Юшуня. Василий Константинович, не сдерживая радости от одержанной победы, писал в донесении:

«Задача, поставленная перед дивизией – пробить дорогу в Крым, – выполнена. 11 ноября в 12 часов занята станция Юшунь, впереди Крым, укреплений больше нет, лучшие силы Врангеля разгромлены окончательно: корниловцы, дроздовцы, марковцы, гвардейцы, второй армейский корпус представляют из себя жалкие остатки и панически бегут. Армия, представлявшая гордость Врангеля, разбита и уничтожена. Пали неприступный Турецкий вал и четыре линии Юшуньских укреплений.

Полуодетые, голодные, уставшие, участвовавшие беспрерывно во всех боях красноармейцы и командиры разгромили не только превосходившую в живой силе армию, но и разбили ее за десятками рядов проволочных заграждений и бесчисленными рядами окопов. Ничто не смогло спасти войска Врангеля. Приказ пролетариата – Крым должен быть Совет-

ским – выполнен с честью».

Война в Крыму для 51-й стрелковой дивизии В. К. Блюхера закончилась 15 ноября 1920 года. В тот день ее полки победно вступили в город русской воинской славы Севастополь и курортный город Ялту. Дивизия была награждена орденом Красного Знамени и получила почетное название Перекопской. Так в рядах РККА появилась 51-я Краснознаменная Перекопская стрелковая дивизия.

Сам Василий Константинович решением Реввоенсовета Южного фронта за победный штурм Перекопа был награжден третьим орденом Красного Знамени. В приказе Реввоенсовета Республики № 221 от 20 июня 1921 года о том говорилось так:

«Награждается в третий раз орденом Красного Знамени бывший начальник 51-й Московской стрелковой дивизии Блюхер Василий Константинович за то, что в боях с 8–12 ноября 1920 г. по овладению Перекопским перешейком проявил личную храбрость и особое искусство в руководстве боевыми действиями подчиненных ему частей дивизии. Несмотря на чрезвычайно трудную обстановку как в отношении преодоления сильно укрепленных позиций противника, так и при условии необыкновенно упорной обороны их, руководимые т. Блюхером части, в результате упорных боев ворвались в Крым, чем положили прочное начало близкой ликвидации последнего гнезда российской контрреволюции».

Реввоенсовет 1-й конной армии наградил его часами с

надписью: «Красному вождю и победителю на Перекопе и Ишуне 27.X – 11.XI начдиву 51 В. К. Блюхеру от РВС 1-й конной армии».

С разгромом Врангеля и освобождением Крыма Гражданская война для трижды орденоносца В. К. Блюхера не закончилась. Она еще шла на Дальнем Востоке, где во Владивостоке к власти пришло Приамурское временное правительство братьев Меркуловых и где в Приморье еще стояли японские войска.

Советская Россия находилась тогда в тяжелом положении, будучи окружена со всех сторон враждебно настроенными к ней государствами. Внутри нее разруха, голод дополнялись вооруженными выступлениями разных противников советской власти. Председатель Совнаркома В. И. Ульянов (Ленин) писал о той ситуации предельно откровенно:

«Обстоятельства принудили (нас) к созданию буферного государства в виде Дальневосточной Республики. Вести войну с Японией мы не можем и должны все сделать для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без нее, потому что нам она по понятным условиям сейчас непосильна».

Дальневосточную Республику (ДВР), существовавшую в 1920–1922 годах, следовало укрепить в военном отношении. То есть укрепить ее вооруженные силы в лице Народно-революционной армии (НРА). В столицу буферного государства город Читу летом 1921 года отправляется группа опыт-

ных военачальников во главе с В. К. Блюхером. В июне он становится военным министром Республики и главнокомандующим НРА.

В короткие сроки Блюхер провел реорганизацию «партизанской» Народно-революционной армии, заботясь, прежде всего, о ее боеспособности. Он принял командование НРА, когда та находилась в «катастрофическом состоянии». Одна из дивизий, имела списочный состав в 4800 человек, но после сбора в ней оказалось всего 920 человек.

Блюхер после уяснения обстановки отправил из Читы в Москву на имя председателя Совнаркома В. И. Ульянова (Ленина) и председателя Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкого за своей подписью рапорт поразительного содержания:

«…Нищенство, проституция, воровство, грабежи, шпионаж и др. позорные явления стали нередким элементом армейского быта. Военспец, спекулирующий на барахолке последними вещами и не посещающий по этой причине занятия, ответственные работники, нанимающиеся к ремесленникам в подмастерья и к торговцам в ночные сторожа, жены военнослужащих, побирающиеся по городу “Христа ради”, бойцы, да одни ли бойцы, с оружием в руках вламывающиеся в квартиры жителей с целью грабежа; штабники – от голода хворающие, падающие в обморок, ворующие и продающие все, что попадется под руку, от карандаша до пишущей машинки и секретного документа, организованные бан-

ды, угоняющие у крестьян скот под флагом конфискации белогвардейского имущества… все это стало тяжелым фактом повседневности, характеризующим ту грань, до которой докатились материальная необеспеченность армии и то разложение, которое вызвано ненормальными условиями жизни».

Обрисовав такую, прямо скажем, невеселую картину состояния армии Дальневосточной Республики, Блюхер просил у Москвы ускоренного отпуска достаточного количества материальных ресурсов, главным образом валюты, обмундирования и снаряжения. Просил он и немедленной присылки «возможного количества надежных партийных сил» для воспитания армии.

Москва откликнулась на просьбы военного министра ДВР: Совнарком выделил для ее армии полтора миллиона рублей золотом. На эти деньги В. А. Блюхер, по сути дела, заново создал Народно-революционную армию Дальневосточной Республики, подготовив ее к предстоящим боям.

Дальневосточная Республика провела с Японией дипломатическую конференцию в китайском городе Дайрене, которая проходила с перерывами с августа 1921 года по апрель 1922 года. В состав делегации ДВР в качестве военного советника входил В. К. Блюхер. Стороны по вине дипломатов из Токио не смогли тогда договориться о выводе японских войск с российского Дальнего Востока.

В 1921 году Белоповстанческая армия (около 7,5 тысячи штыков и сабель, 95 пулеметов, 11 орудий, 3 бронепоезда)

генерал-майора В. М. Молчанова, выступив из Владивостока, начала поход на Хабаровск, сбивая по пути заслоны из полков ДРА. Город был захвачен 22 декабря, и белые войска продвинулись до станции Волочаевка Амурской железной дороги. Дальше на запад они не продвинулись, потерпев поражение в бою у станции Ин. Белоповстанцы, подвергаясь с тыла нападениям партизан, перешли к обороне на рубеже Волочаевка – Верхнеспасское, занимая передовыми отрядами станцию Ольгохты.

Волочаевка была превращена в хорошо укрепленный район. Он состоял из окопов с ледяными валами, 5–6 рядов проволочных заграждений, пулеметных гнезд и артиллерийских позиций. Центром позиции являлась сопка Июнь-Корань. Волочаевку обороняла группа полковника Аргунова (свыше 2300 штыков и сабель при 37 пулеметах и 8 орудиях). Другие войска генерала Молчанова прикрывали фланги Волочаевской позиции, стояли гарнизоном в Хабаровске.

Блюхер перенес свой армейский штаб из Читы на станцию Ин. Отсюда он руководил Волочаевской операцией. Войска Восточного фронта ДВР (командующий – С. М. Серышев) насчитывали 7600 штыков и сабель, 300 пулеметов, 30 орудий, 2 танка, 3 бронепоезда и были сосредоточены у станции Ин.

Планируя операцию по взятию Волочаевки, Блюхер разбил имеемые под рукой силы на две группы: Инскую под командованием Серышева (3120 штыков и сабель, 121 пуле-

мет, 16 орудий, 2 танка и 3 бронепоезда) и Забайкальскую под командованием Н. Д. Томина (4480 штыков и сабель, 179 пулеметов, 14 орудий). Инской группе ставилась задача овладеть Волочаевским укрепленным районом. Забайкальской группе – наступая южнее вдоль берега Амура, овладеть селениями Верхнеспасское и Нижнеспасское и отрезать белоповстанцам пути отхода, окружить их и уничтожить у Хабаровска.

Народноармейцы перешли в наступление 5 февраля, взяв станцию Ольгохты. Сюда перешли главные НРА. 10 февраля Инская группа перешла в наступление, нанося удар по самому сильному, правому флангу волочаевской позиции неприятеля. Красные бойцы атаковали в 35-градусный мороз, идя по пояс в снегу, под сильным вражеским огнем. Прорвать Волочаевскую позицию белых в тот день они не смогли.

Тогда для взятия сопки Июнь-Карань были создана ударная группа во главе с командиром 6-го стрелкового полка А. Н. Захаровым и обходная колонна, подкрепленная Троицкосавским кавалерийским полком. 12 февраля волочавские укрепления – «Дальневосточный Перекоп» – были взяты героическим штурмом.

Писатель А. В. Владимиров показал необыкновенную картину того, как командующий НРА Блюхер в морозный день устроил парад красных войск, чтобы поднять боевой дух красных бойцов.

«Пройдет всего несколько дней, и народноармейцы, сме-

тая белых, подойдут к главной твердыне врага – неподалеку от станции Волочаевка. Измученные боями, едва не падающие от усталости, питавшиеся лишь мерзлым хлебом и соленой рыбой, утолявшие жажду снегом, пойдут бойцы на штурм вражеских укреплений…

Ливневый огонь обрушится на цепи бойцов. Мороз будет жечь лицо, приморáживать руки к винтовкам. Но шаг за шагом станут продвигаться бойцы к возвышающейся вдали сопке Июнь-Карань, бастиону белогвардейцев. Ни блиндажи, ни волчьи ямы, ни паутина колючей проволоки, ни стены из мешков с землей, заваленных снегом и облитых водой, – ничто не остановит красных бойцов. Они будут рвать проволоку прикладами, рушить колья штыками…»

Вторая группа – Забайкальская – наступала успешно. Введенный в заблуждение генерал Молчанов посчитал, что главный удар противник наносит вдоль берега Амура, бросил сюда свой резерв – Поволжскую бригаду, но ей пришлось отступить.

Итогом Волочаевской операции стало занятие 13 февраля Хабаровска. Белоповстанческая армия избежала окружения и, минуя город, начала отступление в Приморье, прикрываясь сильным арьергардом. Народноармейцы шли в преследование, но при первой же встрече с японской заставой они остановили поход на юг, к Владивостоку.

За штурм Волочаевки 6-й стрелковый полк, легкая батарея, бронепоезд № 8 и 67 бойцов и командиров Народно-ре-

волюционной армии были награждены орденами Красного Знамени.

Блюхеру вскоре пришлось расстаться с Дальним Востоком. В июне 1922 года его отзывают в Москву. Совет министров ДВР наградил его почетной грамотой, в которой говорилось: «Вы были не только Главкомом-начальником, но и трибуном, товарищем, за которым массы шли не только по приказу, но и по призыву».

В августе Василия Константиновича назначают командиром-комиссаром 1-го стрелкового корпуса в Петрограде и одновременно комендантом Петроградского (Ленинградского) укрепленного района. Он избирается членом ВЦИК и членом Ленинградского городского совета. В конце 1923 года подал рапорт с просьбой послать учиться на Высшие военные академические курсы. Но получить системное военное образование ему не довелось: Блюхер так и остался самоучкой.

В августе 1924 года открывается новая страница в биографии В. К. Блюхера. По просьбе Сунь Ятсена, первого (временного) президента Китайской Республики, основателя партии Гоминьдан и создавшего в союзе с Компартией Единый демократический фронт, Москва командирует в Китай группу военных специалистов во главе с Блюхером. Он под псевдонимом «генерал Галин» становится главным военным советником Гуанчжоуского революционного правительства.

Блюхер прибыл в Китай под псевдонимом Галин Зой Всеволодович. Откуда появился такой псевдоним? Он был плодом самого Василия Константиновича: фамилия – по имени жены Галины, имя – по имени дочери Зои, отчество – по имени сына Всеволода.

«Генерал Галин» сделал очень многое для Сунь Ятсена (умершего в марте 1925 года в Пекине) и сменившего его Чан Кайши: укрепил дисциплину в армии, провел ее реорганизацию, избавил правительство Гуанчжоу от неверных генералов-милитаристов, помог одержать ряд важных побед. Под стать старшему группы трудились другие советские военные советники – В. К. Путна и Н. В. Куйбышев, В. М. Примаков и М. Г. Ефремов, А. Я. Лапин и М. В. Сангурский, П. А. Павлов…

Был сорван план генерала Чэнь Цзюнмина по захвату Гуанчжоу и взята его крепость Вейчжоу, в которой правительственные войска захватили в качестве трофеев почти 13 тысяч винтовок, 110 пулеметов и 36 орудий. Милитаристские войска в провинции Гуандун на китайском Юге были полностью разгромлены.

Когда Чан Кайши, выпускник военной академии в Японии, стал главнокомандующим, «генерал Галин» спланировал и осуществил известный Северный поход. Когда завязались тяжелые бои с армией генерала У Пэйфу, правительственные войска (Национально-освободительная армия, НОА) овладели укрепленными городами Ханьян и Ханькоу,

взяли, пусть и не без труда, крепость Учан.

Затем была разбиты войска армии генерала-милитариста Сунь Чуаньфана, хорошо вооруженные и обладавшие большим боевым опытом. В донесении В. К. Блюхера в Москву о той наступательной операции писалось:

«Армиям Сунь Чуаньфана и цзиньинским войскам окончательное поражение нанесено 5 ноября. Отброшенные на озеро с железной дороги, окруженные с юга и севера остатки войск разгромлены 9-го…

Район Цзюнцзяна и Наньчана запружен пленными, число коих превышает сорок тысяч».

Разбитые войска генералов-милитаристов отступают к Шанхаю и Нанкину. 26 марта 1927 года началось революционное восстание. Войска НОА вступают в город. Затем был занят не менее важный город Нанкин. Но 12 апреля того же года Чан Кайши совершает переворот, и Коммунистическая партия Китая из союзников Гоминьдана превращается в его главного врага. Советским советникам пришлось срочно покинуть Китай.

После возвращения на Родину в 1927 году Василий Константинович назначается помощником командующего войсками Украинского военного округа. Но это понималось как временное назначение.

В следующем, 1928 году, в связи с 10-летием РККА Блюхер награждается четвертым орденом Красного Знамени. В 20-х годах только четыре прославленных командира совет-

ской армии были четырежды удостоены этой награды: Василий Блюхер, Степан Вострецов, Ян Фабрициус и Иван Федько, что и вошло красной строкой в отечественную историю.

В августе 1929 года В. К. Блюхер назначается Реввоенсоветом Республики командующим Особой Дальневосточной армией (ОДВА) со штабом в городе Хабаровске. Ему ставится задача обезопасить границы страны на Дальнем Востоке. Так он вновь оказался в местах, где когда-то сражался с белыми в годы Гражданской войны.

Обстановка на дальневосточной границе смотрелась тревожной, чреватой большим военным конфликтом. В июне 1929 года китайские милитаристы спровоцировали вооруженный конфликт на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) и в ряде других мест. Уладить конфликт дипломатическим путем не удалось. За спиной местных милитаристов зримо стояла фигура Чан Кайши, хорошо знакомого Василию Константиновичу человека.

Обычно считается, что боевые действия в том военном конфликте между двумя соседями велись на линии КВЖД. Но на самом деле на сопредельном китайском приграничье происходили крупные боевые действия. Блюхер, как командующий ОДВА, разработал и осуществил три серьезные наступательные операции, которые свидетельствовали о его полководческом даровании.

Первой из них стала Сунгарийская операция. В ней участвовали: Амурская военная флотилия под командованием

Я. И. Озалиня, 2-я Приамурская стрелковая дивизия И. А. Онуфриева, а также 4-я и 5-я авиационные эскадрильи под командованием Э. П. Карклина. Общее руководство осуществлял А. Я. Лапин, начальник штаба ОДВА.

В течение одного дня советские войска, успешно форсировав полноводный Амур, овладели укрепленным городом Лахасусу. Через несколько дней последовала новая наступательная операция: Амурская речная флотилия с сильным десантом на борту совершила 70-километровый поход по замерзающей реке Сунгари, преследуя отступающих «белокитайцев», атаковала их флот на рейде Фугдина и сам город. Речные корабли с воздуха поддерживала авиация. После той атаки у воинов-дальневосточников сложилась поговорка: «Был у Чан Кайши флот надводный, стал подводный».

После этих событий на Амуре китайская сторона устроила еще одну вооруженную провокацию с вылазкой на советскую территорию в Забайкалье. Блюхер приказал командующему Забайкальской группой войск С. С. Вострецову разбить гарнизоны противника в Чжалайноре и Маньчжурии, захватить его материальную часть.

Вострецов действовал решительно. 5-я Кубанская кавалерийская бригада будущего Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского не стала брать город Чжалайнор в лоб, а обошла его с тыла и овладела им. Город Маньчжурия был окружен полками 35-й стрелковой дивизии. Его гарнизон, которым командовал генерал Лянь Чжуцзянь, сложить оружие

отказался. Блюхер приказал разгромить гарнизон Маньчжурии на рассвете 20 ноября, что и было исполнено Вострецовым.

В тех боях было взято в плен более 8 тысяч китайских солдат, более 250 офицеров и командующий Северо-Западным фронтом генерал Лянь Дзян со своим штабом. Войска ОДВА потеряли 123 человека. После этого китайская сторона обратилась к Москве с просьбой разрешить конфликт на КВЖД мирным путем. 22 декабря 1929 года стороны подписали в Хабаровске соглашение, нормализующее отношения двух соседних государств.

Проведенные Отдельной Дальневосточной армией наступательные операции стали примерами хорошо организованного взаимодействия сухопутных войск с речной военной флотилией при широком использовании десантов и маневра на окружение противника. В тех событиях В. К. Блюхер действительно блеснул полководческим талантом, тремя операциями обезопасив границу на Дальнем Востоке от новых покушений.

Реввоенсовет Республики ходатайствовал перед ВЦИК СССР о награждении наиболее отличившихся бойцов и командиров. В те дни в Советском Союзе был учрежден новый орден Красной Звезды. Василий Константинович был награжден этим орденом, на котором стоял № 1, как у его первой орденской награды.

Вне всякого сомнения, в 30-х годах В. К. Блюхер имел

огромную популярность не только среди людей военных, но и среди всего населения Страны Советов. Не случайно полководец Г. К. Жуков писал о нем в своих знаменитых мемуарах следующее:

«Бесстрашный боец с врагами Советской республики, легендарный герой В. К. Блюхер был идеалом для многих. Не скрою, я всегда мечтал быть похожим на этого замечательного большевика, чудесного товарища и талантливого полководца».

Девять лет провел Блюхер на Дальнем Востоке. Он не только решал вопросы его военной защиты, но и многое делал для индустриализации и коллективизации восточной окраины страны. Именно он заложил первый камень в строительство города Комсомольска-на-Амуре. По его инициативе был создан Особый колхозный корпус, десятки красноармейских совхозов и колхозов. Василий Константинович избирался кандидатом в члены ЦК ВКП(б), был членом ВЦИК (1921–1924) и ЦИК СССР (1930–1938), депутатом Верховного Совета СССР 1-го созыва.

Когда было учреждено звание Маршала Советского Союза, то в числе первых пяти его обладателей 20 ноября 1935 года был В. К. Блюхер. Он был награжден двумя орденами Ленина, пятью орденами Красного Знамени (в том числе Красного Знамени СССР за № 1) и орденом Красной Звезды.

Интересный факт: Василий Константинович был тем военным деятелем Страны Советов, о котором в кругах белой

эмиграции ходили самые разные легенды, как правило, далекие от истины. Один из публицистов той среды Р. Б. Гуль писал:

«Среди красных маршалов СССР В. К. Блюхер – полководец первого ранга. Послужной список Блюхера богат и блестящ. Блюхер – сильная, колоритная фигура. Но самое замечательное в Блюхере то, что ни в СССР, ни за границей никому не известно: кто же он на самом деле, этот популярнейший маршал Советов? Блюхер – генерал “Nemo”, Блюхер – “полководец под псевдонимом”.

Вокруг этого стратега и организатора, взявшего псевдонимом фамилию знаменитого прусского королевского генерала, только множатся домыслы, легенды, догадки. Но от них не тает, а гуще сгущается вокруг Блюхера темнота. Смесь данных советской, зарубежной и эмигрантской прессы дает неплохой фон для большого авантюрного романа:

“Блюхер – рабочий от станка Медведев”, “Блюхер – первоклассный иностранный организатор-авантюрист типа Требич-Линкольна”, “Блюхер – образованный русский офицер”, “Блюхер – русский унтер-офицер”, “Блюхер говорит с сильным немецким акцентом”, “Блюхер – майор Титц, офицер австрийского Генерального штаба”, “Блюхер – военнопленный германский офицер, бывший правой рукой полковника Бауера”, “Блюхер – выхоленный человек с отполированными ногтями”, “Блюхер в октябре обстреливал древнюю русскую святыню – Московский Кремль”, “Блюхер подавил Ярослав-

ское восстание".

Может быть, в истории еще не было такого случая, чтобы полководец крупнейшей страны оставался легендой и мифом. Ложь, догадки, домыслы и правда, сплетясь, создали плотную "черную маску" на лице знаменитого псевдонима. Но маска не мешает, оказывается, Блюхеру играть крупную роль как в СССР, так и на мировой арене. Лишь единственный человек улыбается – генеральный секретарь ордена "серп и молот". Ему точно известен этот полководец, выбравший себе имя победителя Наполеона при Ватерлоо "генерала Форвертс"…»

Когда обстановка на границах Дальнего Востока вновь стала накаляться, что было связано с захватом японцами Маньчжурии, Маршал Советского Союза В. К. Блюхер назначается командующим войсками Краснознаменного Дальневосточного фронта, обладавшим большими полномочиями.

В мае 1937 года Блюхер был вызван в Москву. Там уже шли многочисленные аресты «врагов народа». Начался процесс над Маршалом Советского Союза Тухачевским и другими «заговорщиками». В состав суда во главе с председателем Военной коллегии Верховного суда СССР армвоенюристом В. В. Ульрихом вошли крупные военачальники, в том числе Блюхер. Судьи и подсудимые прекрасно знали друг друга.

После судебного процесса Василий Константинович, подавленный всем происходящим, возвратился в Хабаровск.

Вслед за ним туда прибыл Мехлис, который, после самоубийства начальника Главного политического управления Я. Б. Гамарника, занял этот пост, и заместитель наркома НКВД Фриновский. На Дальнем Востоке Мехлис, с именем которого связана раскрутка маховика сталинских репрессий, начал массовые увольнения с арестом армейских и флотских политработников. Сейчас можно утвердительно сказать, что это было «капание» под Блюхера.

29 июля 1938 года начался конфликт на озере Хасан: японцы захватили высоты Безымянную и Заозерную. Завязались бои. Непосредственное руководство советскими войсками в районе Хасана осуществлял начальник блюхеровского штаба Г. М. Штерн.

В ходе хасанских событий Мехлис «не уставал» слать в Кремль телеграммы, чернящие Блюхера. В итоге в одном из телефонных разговоров И. В. Сталин прямо спросил: «Скажите, товарищ Блюхер, честно: есть ли у вас желание по-настоящему воевать с японцами?»

Надо признать, что в ходе боев в июле – августе командующий войсками Дальневосточного фронта не проявил должных организаторских способностей. Об этом свидетельствует хотя бы то, что за время боев у озера Хасан советские войска потеряли более 2,5 тысячи человек, при этом потери японских войск составили около 1,5 тысячи человек.

11 августа события на озере Хасан закончились полной победой советских войск: японцы были разгромлены и от-

брошены на территорию Маньчжурии. 12 августа Блюхера вызвали в Москву. Там нарком обороны СССР К. Е. Ворошилов пригласил маршала Блюхера с семьей отдохнуть на его даче в Сочи. 22 октября Василий Константинович и его супруга были арестованы и отправлены в Москву. Допросы шли на Лубянке.

В том же 1938 году, 9 ноября, Маршал Советского Союза В. К. Блюхер был приговорен к высшей мере наказания с конфискацией имущества и расстрелян. По другим данным, он умер во время следствия. Вместе с ним по ложному обвинению были расстреляны две его первые жены (Кольчугина и Покровская), родной брат Павел Блюхер, капитан, командир авиазвена при штабе ВВС Дальневосточного фронта, и его супруга Багутская. Третья жена Блюхера, Безверхова, была осуждена к восьми годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях. Были репрессированы дети от всех трех жен Блюхера.

Блюхер был реабилитирован 12 марта 1956 года. В постановлении Военной прокуратуры говорилось: «Дело по обвинению Блюхера Василия Константиновича прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления». Посмертно реабилитировали и расстрелянных с ним родных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.